Б. ДВИНОВ

ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ

(С приложением секретных документов)

НЬЮ ИОРК
1950

ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ

Б. ДВИНОВ

ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ

(С приложением секретных документов)

НЬЮ ИОРК
1950

«Тут дело не о моей или Вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас; тут дело идет об истине, о русском обществе, о России».

Из письма Белинского к Гоголю.

СОДЕРЖАНИЕ

Документы

ПРЕДИСЛОВИЕ

В странах мировой демократии отношение ко всякого рода гитлеровским коллаборантам было совершенно однозначно: их не только осуждали, но в большинстве случаев и судили.

Русская коллаборация оказалась в особом положении, ибо судить ее собирался тот, кто сам подлежал суду, кто не был морально вправе их судить, ибо сам был в течение 22 месяцев в дружеском союзе с Гитлером, ибо сам применял и применяет к своим политическим противникам гитлеровские методы.

Несмотря на это, часть русских коллаборантов, либо признанных союзниками «военными преступниками», либо на основе ялтинских соглашений была ими выдана на расправу Сталину. Об этом следует пожалеть, ибо никакой палач морально не вправе судить другого преступника, как бы велико его преступление не было. Имевшихся среди русских, украинцев, кавказцев и т. д. военных преступников, а их было не мало, мировая демократия вправе была подвергнуть суровому суду и наказанию, но **судить их должна была она сама.**

В той же русской коллаборации, которая известна под именем «власовского движения», имелись весьма разные по своим политическим настроениям и устремлениям элементы: монархисты, фашисты, нацисты и демократы. Демократ, сотрудничающий с Гитлером и Гимлером, это, на первый взгляд, нечто вроде сухой воды. И, однако, в тех уродливых условиях, в которых оформилась политическая мысль российских людей за последние 30 лет большевистского воспитания, приходится допустить и такую политическую экзотику. Возможно, что во «власовском движении» участвовали и люди, настроенные суб’ективно вполне демократически, но настолько ослепленные ненавистью к Сталину и его режиму, что им и Гитлер мог показаться только врагом № 2. Отсюда и те пораженческие настроения, которые имели место в России в самом начале войны.

Чего, однако, уже никак невозможно допустить — это признания всего «власовского движения» в целом, как «движение демократическое». **Никакое и ничье движение при Гитлере не может претендовать на демократизм.** Тот, кто допускает эту возможность должен будет допустить возможность демократии и при Сталине.

А между тем, в нашей старой демократической эмиграции нашлись люди, которые пытаются убедить общественное мнение в том, что «власовское движение» было движением по своему существу «демократическим», хотя сами они во все время войны стояли на оборонческих позициях и до сих пор о «смене вех» не заявили. Каким образом это их оборончество совмещается с оправданием задним числом власовского пораженчества остается их секретом.

«Власовцы» сейчас раскололись на несколько частей, и каждая их них отрицает за другими права на «власовское наследство», обвиняя остальных в ренегатстве. Нас этот «спор славян между собой» не интересует, и кто из них: САФ, АЦОДНР, СВОД или СБОНР выражает сущность «власовской демократии» — нам все равно. Мы хотим в этой работе показать лицо всего «власовского движения» в целом и показать его тогда, когда оно действовало. Мы делаем это на основе **документов.** Часть этих документов печатается здесь в виде приложения, относительно других даны точные указания в тексте, в случаях же, когда источники не указаны — они все относятся к тем официальным документам, которые были опубликованы в Нюренберге во время процесса Геринга и Ко. Все они касаются политики наци в России.

Мы считаем тем более необходимым обратиться от «нас возвышающего обмана» к «низкой истине», что и по сих пор, когда давно уже улеглась военная гроза и раскрыты столько документов, выяснивших весь характер войны, и по сих пор еще даже те власовцы, которые в лице СБОНР стали недавно на республиканско-демократические позиции ничто же сумняще возглашают, что хотя «и руководство, и все люди Освободительного Движения, до последнего солдата, знали и понимали цели Гитлера на Востоке, но не в пример меньшевикам, считали, **да и сейчас считают, что большевизм в любой ситуации, есть враг № 1»** (курсив мой. Б. Д.), «особенно, если рассуждать не

с народных, а с чисто-партийных точек зрения, как это делает Б. Д.». И дальше: «Для нас нет такой ситуации, которая заставила бы нас, по вашему примеру, в прошлой войне, хотя на секунду стать не только «оборонцами», но хотя бы отойти в сторону». Все это — в упрек мне — напечатано в органе СБОНР — «Борьба», №№ 11-12 за 1949 год.

Да, действительно, автор этих строк, вместе со ВСЕЙ своей меньшевистской партией, стоял в пору Второй мировой войны за оборону России от Гитлера, о чем мы заявили на второй же день войны — 23 июня 1941 года, и мы гордимся этим.

Для того, чтобы читатель мог судить о наших «чисто-партийных позициях» по вопросу о войне, он найдет в конце этого предисловия выдержку из нашей резолюции, определившей эту позицию. Она была принята единогласно. Что же касается «народных позиций» господ «власовцев», то об этом читатель сможет судить, ознакомившись с предлагаемой работой.

Но что сказать о тех «демократах», которые и **сегодня** еще оправдывают свое сотрудничество с Гитлером и готовы даже повторить его, если бы такая «ситуация» вновь имела бы место, ибо для них большевизм «в любой ситуации — враг № 1-ый»?

Пикантность этого заявления усиливается еще следующей декламацией их в том же номере «Борьбы»:

«Если мировые события разовьются так, что вспыхнет Третья мировая война, мы примем ее только в том случае, если она будет войной против большевизма, а не против наших народов, если она будет войной освободительной».

Всемерно присоединяясь к этим похвальным словам, мы все же вправе спросить этих гордых людей из СБОНР'а а как же обстоит дело с «любой ситуацией»? И почему же они приняли, **и сейчас принимают,** Гитлеровскую войну, которая «освободительной» была в том только смысле, что «освобождала» Россию от ее населения и готовила «лебенсраум» для немцев? Где была их гордость тогда? Почему они не поставили своих прекрасных условий Гитлеру, а сейчас они их ставят Соединенным Штатам? Или это и есть «демократия по власовски»? . . .

При всем том они еще драпируются в тогу демократиче-

ского судьи и грозят извергнуть из рядов демократии всякого, кто усомнится в их демократических добродетелях. Посему в отношении меня они высказывают сомнения, насколько мне вместно быть в рядах демократии, а уж что касается моего друга и заслуженного старого социал-демократа Г. Я. Аронсона, то они без всяких обиняков пишут: «Сталин и его доблестные пятые колонны Аронсон и Чухнов». Вот какие грозные судии от демократии. Эти власовские недоноски явно лишены чувства юмора, а это, как говорят французы, уж надолго.

Недавно один из вождей СБОНР писал, что «демократия стала сейчас модной, и нередко от ее имени выступают замаскированные психологические наследники Геббельса и Альфреда Розенберга» («Борьба», № 4-5 за 1949 год).

Хорошо сказано.

Нью Иорк, **Б. Д.**
1-го сентября 1950 года.

Из резолюции Заграничной Делегации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии:

23 июня 1941 года.

«Гитлеровская агрессия против СССР несет народным массам нашей страны новые лишения и страдания, новые формы экономического, оциального и национального гнета, опасность расчленения страны и превращения ее в колонию Третьего Рейха.

В этих условиях наша партия, вот уже больше 20-ти лет стоящая в непримиримой оппозиции к царящей в России террористической диктатуре компартии и ни на минуту не изменяющая своего отношения к сталинскому режиму, становится на почву защиты нашей страны от гитлеровского нападения, подчиняя борьбу за ликвидацию сталинской деспотии верховным интересам войны против мирового фашизма, этого злейшего и опаснейшего врага человеческой цивилизации».

ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ

1. ЦЕЛИ ГИТЛЕРА

Гитлер — это война. Каждому, кто был знаком с «Майн Кампф» Гитлера и мог наблюдать его практику еще до получения власти — это было совершенно очевидно. Однако, только после войны, когда раскрылись государственные архивы Германии, выяснилось **о какой войне** шла речь. Можно предположить, что Гитлер мечтал о завоевании мира еще до своего прихода к власти, ибо это был маньяк. Во всяком случае, мы теперь знаем, что готовить войну Гитлер начал немедленно после прихода к власти. Каковы были его первоначальные планы и точно ли они совпадали с тем, что потом стало реальностью, разумеется, неизвестно. Для нас же здесь важно установить, что войну с Россией Гитлер начал готовить еще в 1936 году. И как готовить!

«Пропагандные мероприятия для этой войны были проведены во время военных маневров 1936 года», пишет Геббельс, который тогда же выработал «идеологическую линию военной пропаганды», с которой мы познакомимся в дальнейшем. Дело, конечно, не ограничивалось выработкой только пропагандного плана. Загодя были разработаны и военные, и политические планы. В конце концов, мы, ведь, знаем, что целью похода было получение «лебенсраума» — жизненного пространства, чего Гитлер никогда и не скрывал. Поэтому, вероятно, Гитлер сумел так легко переключиться с позиций «кровью спаянной дружбы» со Сталиным на войну до истребления.

Как известно, в 1940 году дружба двух сатрапов была еще в полном цвете, никакие тучи не омрачали еще сталин-

ского горизонта. Так, по крайней мере, казалось Сталину. Советский Союз из кожи лез, чтобы поставлять Германии не только предусмотренное по договору, но тратилось и советское золото, чтобы закупить и доставить Гитлеру импортированные товары, столь необходимые ему для войны в условиях английской блокады. Все испортил визит Молотова в Берлин 12-13 ноября 1940 года. Тут, во время разговоров с ним, Гитлер обнаружил, что у «друга»-Сталина аппетиты не меньшие, чем у него самого, и он тут же принял решение о войне.

Тогда то, повидимому, и вытащили уже давно разработанный план войны с Россией — тот план «Барбаросса», который был осуществен в июне 1941 года, ибо уже 18 декабря 1940 года, спустя месяц после свидания с Молотовым, Гитлер издал «Инструкцию № 21», которая в деталях представляла план военного нападения, с распределением сил и фронтов.

Лихорадочным темпом закипела работа, и к весне 1941 года весь план войны во всех его частях и деталях был полностью разработан и утвержден. Попытаемся вкратце его рассмотреть.

Военный план похода был разработан **Гитлером.** Он гласил: «Немедленный захват Прибалтики, Ленинграда и Украины». Общая же директива такова: «Военные силы Германии должны быть готовы **раздавить Советскую Россию** (курсив подлинн.) коротким ударом еще до окончания войны с Англией. Первая цель операций — создать защитительный барьер против азиатской России по линии Волга-Архангельск. В случае необходимости, последний, оставшийся для России, промышленный район на Урале будет уничтожен воздушными силами».

Не ставя себе целей подробного рассмотрения похода с **чисто военной** точки зрения — мы этими данными и ограничимся.

Хозяйственный план был разработан экономическим диктатором и автором «четырехлетки» — **Герингом,** вернее имевшейся при его штабе т. н. «сельско-хозяйственной группой». Этот план так определяет основные линии хозяйственной политики в захваченных областях Востока: «Вся индустрия в хлебном районе, в особенности индустрия районов Москвы, Петербурга и Урала, должна быть закрыта. Уничтожение русской индустрии в лесных областях тоже очень важно для гарантии спокойствия Германии в будущем. Излишки продо-

вольствия будут оплачиваться только в том случае, если выручка будет израсходована на покупку товаров в Германии или в Европе. Русская конкурренция должна быть зкрыта». И дальше: **«Всякая попытка спасти население от голодной смерти путем ввоза (продовольствия) из черноземной полосы будет за счет снабжения Европы. Это уменьшит силу устойчивости Германии в войне и сократит силу сопротивляемости Германии и Европы в борьбе с блокадой. Это должно быть ясно и точно понято».** (Курсив в подлиннике).

Таковы были, согласно официальным немецким документам, общие директивы Геринга по части организованного грабежа.

Политический план был разработан **Розенбергом**. Согласно этому плану, Россия, как государство, должна перестать существовать. Задача эта казалась опьяненному успехами Гитлеру легко разрешимой и в самом начале войны он уже заявил: «Сталинская Россия будет в течение 8 недель стерта с карты».[1]) Что же, однако, будет сделано с этой бывшей Россией?

Розенберг прежде всего устанавливает политические цели военной победы: 1) захват возможно больших территорий; 2) установление в них такой административной политики, которая с самого начала подчинена конечной политической цели войны и 3) «ебеспечение всех естественных и экономических рессурсов для продолжения войны».

Захват территорий должен, разумеется, быть произведен армией. Вслед затем должен быть осуществлен административный план Розенберга. С этой целью Россия должна быть разбита на следующие части:

1) Великороссия с центром в Москве;
2) Белоруссия с центром в Минске или Смоленске;
3) Эстония, Латвия и Литва;
4) Украина и Крым с центром в Киеве;
5) Донская область со столицей в Ростове;
6) Кавказ;
7) Туркестан.

Общей же «политической целью операций против СССР является постоянное ослабление России, с целью обеспечить

---

1) "Roosevelt and Hopkins" by R. Sherwood, page 305.

экспансию за ее счет другими частями. Это ослабление может быть достигнуто применением следующих средств.

1) Полное разрушение большевистского государственного аппарата без замены другим, более подходящим административным аппаратом;

2) Усиленное использование хозяйственных рессурсов при вывозе запасов, механического оборудования и, в частности, всяких средств транспорта (в т. ч. и речных);

3) Предоставление широких районов Центральной России в распоряжение новых административных единиц, которые должны быть организованы, как, например, Белоруссия, Украина, Дон».

Розенберг с большим огорчением отмечает, что некоторые части России, например, Белоруссию, трудно «пробудить к независимости», в силу ее культурной отсталости, но все же, в целях ослабления России, этого необходимо добиться, при чем столицей Белоруссии должен быть Смоленск, а граница ее должна проходить в 250 км. от Москвы.

Указанные в плане три «независимые» прибалтийские государства: Эстония, Латвия, Литва, должны стать германскими провинциями и заселены немецкими земледельцами. Интеллигенция этих народов должна быть выселена в Центральную Россию. Окончательного плана относительно Прибалтики у Розенберга еще не было. «Может быть, мы там поселим датчам, норвежцев, голландцев, а после победы над Англией — англичан», мечтательно писал этот бывший балтиец.

Больше всего Розенберга заботила Украина. И по своим давнишним личным связям с бывшим гетманом Скоропадским, которого он еще в 20-х годах представил будущему «Фюреру», и просто по своему значению и возможностям Украина привлекала его наибольшее внимание. Может быть, он мечтал самому стать потом ее «фюрером»? Во всяком случае, надо отметить, что он долго боролся и не соглашался на назначение Коха комиссаром Украины. Кох — хорошо известный «царь» Восточной Пруссии — был знаменитой зловещей фигурой, и, как это отмечено в одном из прилагаемых документов, «имя Коха — это программа». Розенбергг поэтому усиленно рекомендовал Гитлеру назначить эту знаменитость гауляйтером Москвы или Петербурга. Гитлер, наконец, согласился, но за-

труднение было в том, что города эти не были взяты немцами, и дело было «испорчено»: Кох все таки попал «царем» на Украину. Память о нем будет долго сохранена там. Вернемся, однако, к Розенбергу.

Его планы в отношении Украины были сложны. Прежде всего, необходимо «способствовать развитию независимой национальной жизни Украины, а затем Украина в союзе с Доном и Кавказом должна создать Черноморский Союз с целью постоянной угрозы Москве и обеспечения «жизненного пространства» на Востоке для Великой Германии». «В то же время Украина должна стать мощным резервуаром сырья и центром питания Великой Германской Империи». Что же касается границ этого будущего «независимого» государства, то к нынешней Украине следует прибавить части Курской и Воронежской губерний и другие части Центральной России. Этим будут достигнуты две задачи: во 1-х, ослабление России и во 2-х, создание условий, обеспечивающих постоянную вражду между этими двумя соседними народами.

Ради этих высоких политических целей желательно также прибавить к «независимому» Дону и части Саратовской губернии. Администрацию же этого нового края передать немцам Поволжья.

Особенно важно отрезать Россию от Кавказа, ибо при системе колхозов и машино-тракторных станций потеря бакинской нефти означает неизбежный голод страны со всеми его последствиями, что и требовалось доказать.

«Наше поведение в СССР — заканчивает Розенберг свой меморандум — должно быть совсем другое, нежели в странах Западной Европы». Оно и было другим. И, надо признать, что с точки зрения ликвидации Государства Российского и обеспечения его ничтожества на «вечные» времена этот план был хорошо задуман и разработан.

Такова была **политическая программа** Гитлера в России.

Подготовка к войне шла лихорадочным темпом. Первоначально Гитлер назначил дату нападения на 15 мая. Военные и политические события на Балканах: переворот в Югославии и поражения Муссолини в Греции заставили Гитлера отстрочить эту дату. Времени было мало, все готовились к этому судьбоносному походу, и будущий владыка Востока — Розенберг не дремал.

29 апреля 1941 года **Розенберг** издал подробнейшую инструкцию о методах проведения в жизнь указанных в меморандуме идей. И в тот же день состоялась конференция командующих армиями в будущей войне с Россией, на которой и были утверждены все детали операции «Барбаросса».

По части хозяйственного выкачивания **Герингом** был принят такой план: создаются пять «инспекций», из коих одна остается в резерве, а четыре следуют вслед за армией и имеют своей задачей ограбление страны. Эти рессурсы были совершенно необходимы для продолжения войны, ибо за два года войны и за годы подготовки к ней Германия успела истощить себя. Гитлер расчитывал на «блитц» -победу, вернее на успех нового блефа. Но он провалился: Англия не сдавалась и даже не говорила о «почетном мире». Приходилось воевать.

Между тем, «продолжение войны (с Англией) возможно только, если наши вооруженные силы будут на третьем году войны полностью питаться за счет России», как мы это читаем в резолюции от 2 мая 1941 года, принятой в Берлине на собрании вождей нациостксой партии. «Конечно — трезво прибавляет резолюция — это неизбежно вызовет голодную смерть нескольких миллионов человек» (в России), но разве это так важно, когда речь идет о строительстве «Великого Рейха»?

Вот поэтому то и были организованы «инспекции»:

1-я — Ленинградская, которая охватывает районы: Вильно, Ленинград, Рига, Мурманск, Ревель, Вологду и Архангельск.

2-я — Московская с охватом: Минск, Тула, Горький, Брянск, Ярославль, Рыбинск, Москва.

3-я — Киевская: Киев, Кишинев, Одесса, Харьков, Днепропетровск, Сталино, Ростов, Сталинград, Севастополь, Керчь, Воронеж, Курск и

4-я — Бакинская: Краснодар, Грозный, Тифлис, Баку, Батум.

23 мая 1941 года этот план был передан главному командованию Вермахта для исполнения.

Близился день нападения, и 30 апреля он был на совещании в ставке окончательно назначен. В протоколе этого совещания читаем: «Фюрер постановил: **«начало операции «Барбаросса» — 22 июня».**

За два дня до того, 20 июня 1941 года, **Розенберг** выступил на закрытом заседании вождей с такой речью:

> «Задача снабжения и питания германского народа явится в этом году основной задачей Востока, и в этом отношении Юг и Кавказ будут служить главными источниками продовольствия. Мы не признаем решительно никакого обязательства с нашей стороны кормить и русский народ. Мы знаем, что это — жестокая мера, лишенная какой либо сентиментальности. Необходима будет усиленная эвакуация и, конечно, будущие годы будут очень тяжелыми для русских. Позже придется решить, в какой мере можно будет оставить здесь промышленность... Русские должны быть направлены на Восток. Может быть, через сто лет они сами одобрят это... В основном русские — артисты, танцоры, музыканты... Борьба между Тургеневым и Достоевским символична для этой нации... Если мы сейчас закроем для них Запад, то они сообразят, для чего они рождены и область, которая для них подходит... Спустя сто лет историк иначе увидит наше решение, чем русские сегодня».

Каждый спешил внести свою лепту в общее дело, и от изложения общих «принципов» перешли к конкретным инструкциям.

Ген. Варлимонт уже 12 марта 1941 года издал приказ по армии относительно судьбы захваченных в плен политкомиссаров Красной армии: «Они подлежат немедленной ликвидации на месте».

Ген. Кайтель днем позже — 13-го марта — издал более обширный и «совершенно секретный» приказ об отношении к гражданскому населению, состоящему из пяти пунктов:

1. Организовать военные суды, которые должны действовать «беспощадно в случаях угроз со стороны гражданского населения неприятеля».

2. Враждебные элементы гражданского населения должны быть уничтожены.

3. В том случае, когда подозрительные элементы будут приведены к офицеру, то он сам решает на месте, должны ли они быть расстреляны.

4. Если в какой либо деревне будет произведено нападение — она подвергается немедленному коллективному наказанию.

5. Запрещается задерживать подозреваемых с целью предания их потом гражданскому суду.

К этому прибавлено, что должны быть выполнены «также **устные инструкции о политических намерениях вождей,** которые даны и должны быть раз'яснены командирам».

Заканчивается этот перл создания таким раз'яснением: «Нападения, произведенные членами германского Вермахта на гражданское население, не должны преследоваться, даже если бы они составляли насилие и военное преступление».

Зная «политические намерения вождей» можно о характере «устных инструкций» только догадываться. «Приказ должен остаться секретным», заканчивается директива.

Это, однако, не исчерпывает вопроса, ибо не могло разрешить основной задачи — обеспечения «лебенсраума» и высших целей», возвещенных Гитлером. А кроме того, был еще «еврейский вопрос». Специалистом по этой части был Гимлер, возглавлявший СС, «Зихерхайтс-динст» и «Ейнзетцтруппен» (отряды истребления), которые были прикомандированы к армии и продвигались вместе с нею. Во главе этих отрядов истребления стоял пом. Гимлера — Гейдрих.

13 марта, одновременно с приказом Кайтеля, «Рейхсфюрер СС **Гимлер»** получил от «Фюрера»-Гитлера **специальные задания в области политического управления»,** при чем он должен был действовать «независимо от армии и за свой личной ответственностью».

Свои «специальные задания» Гимлер понимал очень отчетливо. Еще в ноябре 1940 года он издал общую инструкцию под скромным озаглавлением: «Некоторые мысли об отношении к чужим народам на Востоке» (см. приложение № 1). Эти «некоторые мысли» отмечены, как «гехейме Рейхсзахе» — секретный государственный документ — и не зря. Общий смысл и цель его прост: уничтожение народов Востока, как самостоятельной национальной единицы, со всей их культурой. «Понятие еврейства — читаем мы в «мыслях» — я надеюсь вытравить путем массовой эмиграции евреев в Африку». «Несколько больше времени пройдет прежде, чем исчезнет в наших краях представление о таких народах, как **украинцы,** гуралы, лемки».

> «Для не-германского населения разрешается только четырехклассная народная школа. Целью ее является: научить считать не больше, чем до 500 и подписывать свое имя, а кроме того внедрить в сознание детей, что

заветом бога является слушаться немцев, быть честным и прилежным. Чтение я считаю лишним. Кроме такой школы, никакой другой на Востоке (Европы) вообще быть не может».

Сменивший Гесса на посту главы нацистской партии **Мартин Борман** «углубил» эти «мысли» Гимлера:

«Славяне — писал он — должны работать на нас. Поскольку же они нам не нужны — они могут умереть. Поэтому, прививки и, вообще, медицинское обслуживание их излишне. Размножение славян нежелательно. Обучение их — опасно. Довольно, если они будут считать до ста. Наилучшее воспитание для них — то, которое превратит их в полезных для нас роботов. Каждый образованный славянин — будущий враг. Религию мы им оставим, как отвлекающее. Что же касается продовольствия, то они получат только крайне необходимое. Господа — мы, и все в первую очередь должно итти к нам». (Док. R-36).

В мае 1941 года приведенный выше приказ Кайтеля от 13 марта был по соглашению между генерал-квартирмейстером ставки Гитлера и Гейдрихом подтвержден и вошел в силу. Он был потом широко использован на практике. Тем временем, война стала реальностью, и 16 июля 1941 года **Гитлер** счел необходимым дать новую инструкцию:

«Мы не должны опубликовывать наши действительные цели, но мы должны точно знать, чего мы хотим» . . .

«Крым должен быть очищен полностью от своего теперешнего населения и заселен исключительно немцами. К нему должна быть присоединена Северная Таврия, которая тоже войдет в состав Рейха» . . .

«В Баку мы образуем германскую военную колонию» . . .

«Мы сохраним за собой Кольский полуостров ради рудников, которые там находятся» . . . «Я сделаю из завоеванных стран земной рай» . . .

«Война с Россией не может вестись с соблюдением законов чести. Она является одновременно борьбой идеологий и борьбой рас, и она должна вестись с небывалой до сих пор беспощадностью» . . .

Во исполнение этого руководящего указания «Фюрера», **Гейдрих** на следующий же день, 17 июля 1941 года, поспешил издать «совершенно секретный» приказ с указанием лиц, которые должны быть **немедленно уничтожены:** комиссары, ком-

мунисты, евреи, руководящие лица в хозяйственной жизни страны, советские ученые и т. д.

В этом же июле последовала и новая инструкция Кайтеля: «Всякое сопротивление должно быть наказуемо не только законным преследованием виновных, но и путем применения оккупационной армией террора, который один только может уничтожить всякое поползновение к сопротивлению со стороны населения».

Позднее, в сентябре 1942 года, к этому делу приложил руку и Геббельс, инструкция которого гласит: «Должны быть уничтожены: евреи, цыгане, осужденные на 3-4 года поляки, а также чехи и немцы, осужденные на смерть. Мысль об их уничтожении путем работы — самая лучшая». После этого, по соглашению между Гитлером, Гимлером и министерством юстиции, формула Геббельса была расширена и в число тех, кто должен быть **«безусловно»** уничтожен, включены **«русские и украинцы».** (Документ 654 **P.S.**).

Вмешательство Геббельса в это дело происходило от излишнего усердия, ибо это вовсе не входило в его прямую компетенцию, но, видимо, очень уж хотелось ему «руку приложить».

Мы видели, таким образом, как выглядела подготовка похода во всех его частях: военном, политическом, хозяйственном, административном и . . . истребительном. Вкратце задачу похода можно формулировать так: уничтожение Государства Российского, истребление населения и превращение наций в роботов-рабов. Задача, поскольку речь шла о 200 миллионом государстве, не легкая, можно даже признать ее грандизной или «колосаль» . . . Как же наилучше этого добиться? Здесь-то на помощь пришел гений **Геббельса.** То, что многие начинают соображать только сейчас — что «надо иметь с собою русских, чтобы победить русских» — то Геббельс понял давно, и потому привлечение русских к делу их собственного уничтожения стало основным пунктом его «политической линии».

Как мы теперь знаем, **Геббельс** еще в 1936 году произвел на маневрах опыт своей пропаганды (см. приложение № 8). По его словам, «была создана ясная идеологическая почва относительно населения Советского Союза, что имело на случай войны решающее значение. Тезисы, положенные в основу многочисленных прокламаций отдела пропаганды национал-

социалистической партии, выявляли, что вражда Германии направлена не против народов Советского Союза, а против еврейско-большевистских угнетателей этих народов, что на самом деле целью Германии является **освобождение этих народов** (курсив мой. **Б. Д.**). В особенности предлагалась русскому народу дружба и братство по оружию против общего еврейско-большевицкого врага. Это обстоятельство должно быть особенно подчеркнуто и сохранено в памяти для дальнейшего исторического исследования».

Так пишет Геббельс в своем «Обзоре» для **внутреннего употребления,** и мы с ним в одном вполне согласны: это, действительно, должно быть сохранено в памяти для наших дальнейших исследований . . .

Один из первых участников этого «движения», которого мы условно назовем «редактор», в неопубликованной еще работе пишет: «Министерство препаганды впервые выдвинуло в пропагандных целях идею **фиктивного** политического движения». Это только подтверждает слова самого Геббельса.

«Летом 1944 года в газете «Рейх» эту «новую политику» Германии с ориентацией «на народное восстание против большевиков» Геббельс откровенно изображал, как прямое продолжение политики «запломбированного вагона», с таким успехом примененной немцами в 1917 году. Для Геббельса она, конечно, такой и была».[2])

Впоследствии Геббельс жаловался на то, что когда наступил момент реализации его плана, то он попал в чужие руки: сперва Вермахта и Розенберга, а потом Гимлера, и в результате этого его «идея» была другими «извращена», в особенности Розенбергом (приложение № 8). Проворство рук Геббельса заключается здесь в том, что в начале войны он сам был в полном согласии с Розенбергом и Гимлером и со всем этим «извращением». Оно и логично. Спустя 2-3 месяца войны с Россией все нацистские вожди были уверены, что победа у них в кармане, а раз так, то отпадает за ненадобностью и вся тонкая «идея» «братства по оружию» и «освобождения народов». В своем отчетном докладе, написанном под грохот падающей Германии, Геббельс предпочел забыть об этом, а всю ответственность за «извращение» переложить на Розенберга.

---

[2]) Б. Николаевский, «Новый Журнал», кн. 19-ая, стр. 213.

2. ПОРАЖЕНЧЕСТВО

Итак, 22-го июня 1941 года Гитлер во всеоружии всей своей столь тщательно подготовленной военной, политической, административной, экономической и пропагандной машины ринулся на Россию.

Вместе с дождем бомб на головы народов СССР посыпались миллионы геббельсовских прокламаций, брошюр, радио речей и т. д. Как известно, за первые месяцы войны немцы едва успевали сосчитывать пленных красноармейцев. По данным американского министерства, опубликованным в «Ляйф» 19-го декабря 1949 года Воллэсом Кэрролем, взяты были в плен: между 29 июня и 7 июля около Белостока и Минска — 320.000 человек, 1 июля возле Смоленска — 300.000 человек, 5-8 августа возле Умани — 103.000 человек, 24 сентября возле Киева — 665.000 человек и 18 октября в районе Брянска-Вязьмы 665.000 человек. Всего больше двух миллионов.

Гитлер был так уверен в победе, что, приближаясь к Москве, его ставка 7 октября 1941 года возвестила: «Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда, как и позднейшая капитуляция Москвы, не будут приняты, если даже неприятель будет о ней просить», т. е. Гитлер решил, что обе столицы России должны быть преданы огню и мечу и должны быть разрушены (то же он решил и о Варшаве).

Что же, однако, было причиной этого небывалого в истории разгрома советской армии? Разумеется, не одна только геббельсовская пропаганда. По очень распространенной заграницей версии все сводится к поголовному пораженчеству Красной армии и народа: Красная армия, мол, только и дожидалась прихода гитлеровских полчищ, чтобы им с радостью сдаться в плен, а население, чтобы забросать их цветами. Все это — сущий вздор. Нет сомнения, что и в армии, и в населении были стихийные пораженческие настроения, и они, конечно, не могли не сыграть своей роковой роли, но надо все же знать, что речь идет о небольшой части армии и небольшой части населения.

Причин разгрома армии было несколько. Тут была, прежде всего, та тактика Красной армии, которая была расчитана не на оборону, а на нападение (Сталин, как известно, до послед-

ней минуты не верил в предательство своего друга — Гитлера); тут был и результат того, что в течение первых 9 часов войны немцы наступали, а приказа о сопротивлении им не было дано, ибо Сталин сидел где то на Кавказе, и никто без него не посмел распоряжаться. В результате, «уже на третий день войны войска Киевского и Белорусского военных округов были выведены из строя. Были убитые, раненные и панически бегущие. Мораль армии была сломана». Так свидетельствует бывший советский генерал Алексей Марков в «Сатурдэй Ивнинг Пост» от 13 мая 1950 года. Значит, в первые решающие дни фронт был из-за хаоса разрушен. Вероятно, не мало способствовало успеху «блитца» преимущество немцев в вооружении и в руководстве, т. е. в том, чем Сталин так умилялся при разгроме Польши.

Но кроме чисто военных причин были еще причины и политического, и психологического характера. В течение 22-х месяцев монополизированная Сталиным пропаганда не переставала вдалбливать народу в голову, что немцы — это друзья и миротворцы, а англо-американские «плутократы» — капиталистические «разбойники» (то же повторяется и сейчас). Многие вспоминали немецкую оккупацию во время Первой мировой войны и находили, что при сравнении с режимом Сталина все преимущества на стороне немцев. Что-то превосходящее Сталина в разбое, вообще, не представлялось.

Таким образом, причин, более или менее доброжелательного отношения к агрессору было много. Бывший советский офицер, перебежавший к немцам, Ал. Алымов довольно верно рисует настроение Ставрополя перед приходом немцев:

«В Ставрополе — с этого пункта начинается его рассказ — не встречали немцев с цветами и хлебом-солью, как это было несколько дней спустя в Пятигорске и Кисловодске, но в час их вступления, несомненно, весь город вздохнул полной грудью. Причины этого вздоха были различны. Убежденные враги большевизма видели в победе немцев разгром своего исконного врага; бывшие собственники — надежду на хотя-бы частичное возвращение их имущества, главным образом, отобранных домов; репрессированные и жившие по фиктивным документам (а таким не мало) — освобождение от вечного страха перед вездесущим НКВД; голодные — возможность на-

сытиться; знавшие больше других радовались провалу намеченного большевиками «прощального часа» — разгрома города и, наконец, все вместе — тому, что страшный для обывателя момент перехода из рук в руки прошел безболезненно, без артиллерийского обстрела, уличных боев, больших пожаров и т. д. («Часовой» № 287).

Какой пестрый конгломерат причин!.. Но здесь нет и намека на симпатии к нацизму. В силу столь шаткой почвы этого благожелательства не приходится удивляться тому, что так быстро портились отношения разочарованного населения с непрошенным «освободителем».

Но неверно представление, будто Красная армия, вообще, отказывалась сражаться. Два месяца ген. Власов — по его собственным словам — отстаивал Киев. Стало быть, было с кем отстаивать. «Смоленск был взят после упорной борьбы, в которой русские переходили в сильные контр-атаки».[3]) Уже в своих телеграммах к Сталину от 21 и 28 июля 1941 года Черчиль выражает «восхищение великолепной борьбой русских и теми тяжелыми потерями, которые они наносят врагу».[3])

Президент Рузвельт об'явил в сентябре 1941 года, что русский фронт будет держаться, и Москва не будет взята. Громадная сила и патриотизм русского народа лежали в основе этого мнения».[3])

Ген. Шалль, помощник начальника генерального штаба в ту пору (начальником был ген. Гудериан) показывал в Нюренберге, что перелом в настроении Красной армии произошел в районе Смоленск-Ельня, когда армия начала не только оказывать серьезное сопротивление, но и перешла в контр-аттаки. При том, по словам ген. Шелля, раньше пленные красноармейцы говорили: «вы пришли освободить нас об большевиков», а после того: «мы — патриоты и защищаем нашу землю».

Ельня отмечается и в статье упомянутого ген. Маркова: «Маршал Тимошенко потерял 75% своей армии у Ельни, чтобы задержать наступление германской армии на Москву». Потерять 75% армии, отказывающейся сражаться, никак невозможно. Мы также знаем, что произошло далее под Москвой, где немцы потерпели серьезное поражение.

Наконец, мы имеем еще свидетельство Геббельса, который

---

[3]) Winston S. Churchill: "The Grand Alliance," pp. 378, 387 and 393.

в своем дневнике под 27 января 1942 года отмечает: «Солдаты (красной армии) не желают сдаваться, как это обычно делается в Западной Европе, когда они окружены, но продолжают драться, пока их не убьют». А 6 марта 1942 года он уже подсчитывает, что до 20 февраля 1942 года немцы потеряли 905.-000 человек. Если бы Красная армия только мечтала о сдаче, то немцы не могли бы потерять за 8 месяцев почти миллион человек.

Таким образом, надо раз навсегда отказаться от этих, кой для кого весьма удобных, но совершенно неверных построний о том, будто Красная армия и русский народ только и мечтали, что о приходе немцев. Это представление ни в малейшей степени не отвечает действительности. Признавая наличие элементов пораженчества в армии и народе, необходимо в оценке его строго соблюдать пропорции. К тому же, это пораженчество было довольно скоро изжито даже и в этих своих скромных размерах. Этому способствовало то, что завоеватель очень скоро сбросил маску «освободителя народов» и явился русскому народу во всей реальности жестокого и бездушного поработителя.

3. МАСКИ ПАДАЮТ

Победы первых месяцев германского наступления были так велики, что у Гитлера началось неизбежное «головокружение от успехов», и он сбросил маску. Завоеватель перешел к реализации своих политических целей, как мы их видели выше. Еще в своей нацистской «библии» — «Майн Кампф» — Гитлер открыто писал: «Целью нашей будущей иностранной политики является не ориентация на Восток или Запад, а восточная политика в смысле обеспечения территории, необходимой для германского народа». **Это была — цель.**

Спустя 24 дня после нападения, на собрании, на котором присутствовали: Гитлер, Геринг, Розенберг, Кайтель и Борман, «Фюрер» заявил: «Мы не хотим наживать себе врагов **заблаговременно.** Поэтому мы будем действовать так, словно мы только выполняем временный мандат. Но в то же время мы должны ясно знать, что **мы никогда не покинем эту страну».** Наша задача: «господствовать, управлять, эксплоатировать». «Никогда

больше не будет вооруженной силы к западу от Урала. **Мы никогда не позволим никому, кроме немцев, носить оружие...** Наилучший выход расстреливать каждого, кто глядит в сторону».

Спустя год враги были уже прочно «нажиты» и потому наци перестали стесняться. В органе СС — «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 года появилась следующая инструкция Гимлера:

«Наша задача состоит не в том, чтобы германизировать Восток, т. е. учить их языку и праву, а в том, чтобы добиться того, чтобы на Востоке жили люди только немецкой крови. Мы обеспечиваем сейчас на Востоке наше будущее, и это обеспечение не будет завершено, пока земля, приобретенная священными жертвами нашей крови, не будет полностью заселена нами и станет немецкой землей — немецкой по составу ее населения и по культуре, немецкой потому, что она вспахана немецким плугом».

Это уже было сказано открыто, и можно только удивляться, что это не помешало появлению именно в этот момент геббельсовского трюка «фиктивного политического движения». Но об этом дальше.

Цели похода были таким образом ясно указаны. Каковы могли быть средства? Только одно: уничтожение народа. Облеченный особыми полномочиями «Рейхсфюрер СС Гимлер» писал: «Русский народ должен быть истреблен, на поле битвы или по одиночке. Он должен истечь кровью». (Документ **P.S. 1919**).

Фельдмаршал Рундштедт поучал: «Мы должны будем уничтожить по меньшей мере одну треть населения присоединенных территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели — недоедане. В конце концов голод действует гораздо лучше, чем пулемет, в особенности среди молодежи». Способ оказался весьма действительным.

Как мы уже знаем, миллионы красноармейцев были взяты в плен. Это, ведь, тоже часть населения, да еще какая часть: цвет нации. Естественно, их надо было уничтожить в первую очередь. Как: расстрелять или уморить голодом? В ход были пущены оба средства.

В сентябре 1941 года ген. Рейнеке, главный начальник

Управления военно-пленными при Верховном командовании, издал следующие правила обхождения с этими миллионами захваченных военно-пленных:

> «Большевистский солдат потерял всякое право требовать, чтобы к нему относились, как честному противнику. При малейшем признаке непослушания должно быть дано распоряжение о безжалостных и энергичных мерах. Непослушание, активное или пассивное соопротивление, должно быть немедленно сломлено силою оружия (штык, приклад, винтовка). Всякий, кто при выполнении этого распоряжения, не прибегнет к оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию. При попытке к бегству — стрельба без предупреждения. Употребление оружия против военно-пленных, как правило, законно.

После такого приказа, с приглашением к уничтожению, применение оружия практиковалось весьма широко. Советский офицер **в докладе немцам** писал:

«Нескончаемые расстрелы (красноармейцев) часто только за то, что солдаты не понимали, чего немцы от них хотят». (См. приложение № 6).

А затем организовали убийство голодом. Вот свидетельство от 1942 года французского военно-пленного Филиппа да Пуа, фигурировавшее в Нюренберге, и гласившее:

> «Лагерь русских военно-пленных отделен от нашего лагеря двойным рядом колючей проволоки. Между ними ходит часовой. Я имею при себе, под рубахой, маленький кусок хлеба, величиной в куриное яйцо. Вот часовой повернулся ко мне спиной. Я быстро выхватываю этот кусочек хлеба и бросаю его в русский лагерь Тридцать военно-пленных бросаются за этим куском хлеба, но часовой поворачивается, прицеливается и кричит: «ферботен»! (запрещено). С сжатыми кулаками люди отступают назад. Но, вот, один из них, с безумными глазами, не двигается и как завороженный смотрит на этот кусок хлеба. Его нервы не выдерживают, и он бросается к куску хлеба. Часовой стреляет. Руский падает на землю с куском хлеба во рту, кровь течет с его головы вниз, и хлеб становится красным» . . .

А 20-го мая 1942 года тот же француз записывает:

> «Большое число русских военно-пленных ежедневно умирает. Трупы их лежат рядом с живыми втечение двух

дней, так как их слишком много, чтобы можно было немедленно убирать. Сегодня, во время распределения супа, двое русских, стоявших в очереди перед кухней, держали между собою покойника, надвинув ему шапку на глаза. Один из них держал две чашки, свою и покойника, чтобы, таким образом, получить лишнюю порцию супа, которую эти двое и разделят между собою. Каждый второй день умершие и умирающие без разбора нагружаются на одну и ту же телегу. Ямы роются на растоянии одного километра от лагеря. Туда доставляются телеги и сбрасываются в эти ямы, покойники и умирающие вместе, и засыпаются землей. Иногда немецкий унтер раньше пристреливает умирающего, но в большинстве случаев рвы засыпаются без траты амуниции, даже если «умирающие извиваются как черви», как передал немец».

Так пишет об'ективный француз.

«Полк. Санин (начинатель образования русских отрядов под эгидой Гитлера, **Б. Д.**) об'ехал ряд лагерей. Картина была кошмарно-тяжелая: за зиму (1941-1942) по официальным немецким сведениям, умерло от 80 до 90% всех военно-пленных, т. е. не меньше 4-х миллионов человек. В добровольцы готовы были итти все, кто еще был жив, для них это была единственная возможность спастись».

Так передает со слов самого полк. Санина Б. Николаевский («Новый Журнал», кн. 18, стр. 218). Но одними пленными нельзя было утолить жажду крови нацистских богов. Надо было обратиться к гражданскому населению. Его грабили, и оно сопротивлялось. О том, что сопротивление должно преследоваться не только «по закону», но и террором, мы уже знаем из приказа Кайтеля от июля 1941 года. Но на вершины творчества поднялся, как и полагается, только сам «Фюрер».

7-го декабря 1941 года был издан за собственной подписью Гитлера — да ведают потомки!.. — приказ, носивший все следы «артистического гения» своего автора и называвшийся **«Нахт унд Небель»** (ночь и туман). Смысл этого декрета был такой: лица гражданского населения, против которых выдвигается какое либо обвинение в преступлении против германского государства или оккупационных властей, должны быть судимы на месте **только** в том случае, если есть уверенность, что они будут осуждены не позже, чем спустя восемь дней, и что приговор будет смертный. В противном случае, арестованный должен быть **тайно** («туманной ночью» — «нахт унд не-

бель») перевезен в Германию для тайного суда. «Действенное и длительное устрашение — об'ясняет меморандум — может быть достигнуто только либо смертной казнью, либо такими мерами, при которых ни родные преступника, ни население не будут знать об его судьбе». Похоже, что это Гитлер списал у Сталина, придумав только романтическое название. В чем же, однако, состояла судьба этого человека? Сие было раскрыто в Нюренберге, где фигурировал такой циркуляр начальника административно-хозяйственного отдела СС, Поля:

> «Касается: декрет «Нахт унд Небель». Всем комендантам всех концлагерей. Трупы казненных, или иначе умерших, арестованных по декрету «Нахт унд Небель», должны быть преданы для погребения полиции. Обращаю внимание на инструкцию о секретности. Посему, в связи с этим, необходимо специально проследить за тем, чтобы на гробах «Н. у. Н.» арестованных не были указаны имена покойников».

Таким образом, «идея» заключалась в том, чтобы тех, кто не будет убит на месте, убить втихомолку в Германии и похоронить в безыменных могилах. Циркуляр этот, как мы видели, был обращен ко «всем комендантам всех концлагерей», но были, видимо, специальные лагеря, приспособленные только для уничтожения военно-пленных и «Н. у Н.» арестованных. Что они собою представляли можно понять из жалобы, поданной комендантом лагеря «Грос Розен» в Силезии:

> «Коменданты концлагерей жалуются, что от 5 до 10% советских русских, **предназначенных к казни, прибывают в лагерь уже мертвыми или полумертвыми.** Это создает впечатление, что лагеря стараются избавиться от пленных в пути. Особенно отмечается, что когда, например, они двигаются от железно-дорожной станции к лагерю, большое число военно-пленных падает от истощения мертвыми или полумертвыми и должны быть подобраны на телегу, которая следует за конвоем».

Жалоба, надо сказать, вполне основательная: людей полагается убивать только в «Грос Розене», а доставляют уже трупы — непорядок!..

При этих условиях не приходится удивляться, что цветы мнимой «дружбы» облетели очень быстро, а «хлеб-соль» забылась еще быстрей. Народ перешел к посильной борьбе, к сопротивлению и к партизанщине.

25 апреля 1942 года Геббельс записывает в своем дневнике:

> «Жители Украины были сперва расположены принять Фюрера, как спасителя Европы, и сердечно встречали германские войска. Это положение полностью изменилось **в течение нескольких месяцев.** Мы слишком больно ударили русских, а в особенности украинцев по голове».

Бывший советский офицер Б. Ольшанский, проделавший всю кампанию, пишет: «Всеобщий перелом наступил в середине лета 1942 года». (Часовой», № 291). Дольше всего пораженческие настроения держались у горцев, но и о них свидетельтельствует участник этих событий Ал. Алымов: «Начиная с ноября 1942 года партизанское движение горцев стало затихать». («Часовой», № 290).

А М. Бобров, человек несомненно весьма осведомленный в событиях того времени, свидетельствует:

> «Май месяц (1942 г.) может считаться месяцем окончательного отмирания надежд и иллюзий. В ночь на 25 мая немецкие карательные отряды приступили к реализации плана «Припять». Почти в один и тот же час в сотнях городов и районах центров отряды СС-овцев ворвались в дома русских **анти-большевиков** (курсив мой, **Б. Д.**), игравших заметную роль в жизни оккупированных земель. Бургомистры городов, старосты сел, члены Освободительных комитетов и в отдельных случаях командиры отрядов самообороны были арестованы и заключены в застенки Гестапо. Некоторые были убиты при арестах, другие расстреляны после ареста, третьи томились долго в ожидании расправы, а потом были отправлены в Германию, где большинство их и погибло. Аресты в эту ночь произошли везде. Арестовано было, повидимому, около 2000 человек». «Конфликт с нацизмом был ясен, у русских больше не оставалось надежды на немцев, как на освободительную силу». (М .Бобров: «Страшное безмолвие России», «Возрождение», тетрадь пятая, стр. 98-99).

С этих пор, с мая 1942 года, отношения окончательно определились: пошла открытая борьба на уничтожение...

4. РОЖДЕНИЕ «ВЛАСОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

24 августа 1942 года началась великая битва за Сталинград. Это была поистине битва народа за жизнь нации, за

жизнь страны. Смысл этой битвы был многими немцами хорошо понят. Одним из первых его понял Геббельс, который оживил свою старую идею «освобождения русского народа» Гитлером при помощи «братства по оружию». Нарождалось так называемое «Русское Освободительное Движение».

«Всю идею «Русского Освободительного Движения» — пишет Б. Николаевский — Гитлер разрешил использовать только в качестве пропагандного трюка, предназначенного только для разложения советского тыла» («Новый Журнал», кн. 19, стр. 216).

Упомянутый уже нами «редактор» (он был редактором одной из власовских газет) пишет:

> «В Берлине, на Шлиффенуфер 7 был создан интернациональный лагерь офицеров всех стран, которым были известны важные секретные сведения. Здесь широко применялась голодовка». «Через Шлифен и 'экономическое бюро' прошло много работников, участвовавших потом в РОД. В частности Зыков (по всем данным подлинный глава этого 'движения'. **Б. Д.**). После того был организован лагерь 'Вульганде' для подготовки пропагандистов для лагерей военно-пленных. Главные предметы: а) основы национал-социализма и б) немецкий язык». «Настроение обучаемых сводилось к стремлению как нибудь не умереть голодной смертью».

Таким образом, мы видим, что кормили не только голодом, но и идеями национал-социализма.

> «В лагере 'Вульгайде' — продолжает этот автор — содержался некоторое время ген. Понеделин, которого прочили на роль главы фиктивного русского политического движения. К чести его — он отказался, как и ген. Снегов . . . Впоследствии был найден на эту роль другой кандидат в лице ген. Власова» . . . «В лагере 'Вульгайде' образовалась подпольная коммунистическая организация, руководимая полковником Бушмановым».

Для нас не представляет интереса знать, кто был техническим организатором этого дела, равно и роли отдельных лиц и героев этой драмы. Совершенно очевидно, что вдохновителем всей «акции» был Геббельс. Розенберг с самого начала относился к славянам с таким великолепным презрением, что не хотел знать и фиктивного русского политического движе-

ния. Он, повидимому, и Гитлера настроил против этой затеи. По крайней мере мы читаем в докладе Геббельса:

> «В 1942 году была сделана в сотрудничестве с полковником Мартином попытка дать Власову полномочия. Она сперва не увенчалась успехом. Заслуга в проведении власовской политики принадлежат штандартенфюреру Гюнтеру д'Алкену, который защитил ее перед Рейхсфюрером (Гимлером), через которого она была потом предложена Фюреру. С тех пор пропаганда Восточного отдела и Финеты проводилась под углом зрения политики Власова» (см. приложение № 8).

Полк. Мартин был офицером связи между Вермахтом и министерством пропаганды Геббельса. Из дневника последнего следует, что роль его сводилась преимущественно к шпионажу над офицерами, составлению списков «дефетистов» и передачи их Геббельсу или Гитлеру. Таким образом, мы теперь точно знаем тот путь, который проделала «идея», пока она получила одобрение Гитлера, после чего РОД родилось. Вот эта цепь: Геббельс-Мартин-Гюнтер д'Алькен-Гимлер-Гитлер. Путь не легкий. Геббельс ее родил, Гимлер поддержал, Гитлер благословил, и тогда завертелись колеса «Финеты», Вульгаде, Дабендорфа. **Геббельсовский пропагандный трюк обернулся «Русским Освободительным Движением».**

10 сентября 1942 года, когда развивалась первая фаза битвы за Сталинград с успехом для немцев, ген. Власов выпустил свое первое возвание, обращенное: «Товарищи командиры!.. Товарищи советские интеллигенты!» Почему он ограничился этими адресами и не обратился к солдатам-красноармейцам понять трудно. Но вслед за этим «Открытым письмом» Власов выпустил в том же сентябре месяце второе воззвание с программой из 13 пунктов, уже адресованное: «Товарищи! Солдаты! Офицеры и политработники Красной армии!» (См. приложения № № 2 и 4).

Насколько Власов в этих воззваниях силен, пока он критикует Сталина и его режим, настолько же он слаб, когда он переходит к об'яснению своей «акции», своего сотрудничества с Гитлером. Для этого ему пришлось уже с первых шагов вступить на порочный путь очевидной лжи и неибежного потворства Гитлеру.

И по собственным наблюдениям в лагерях, и по рассказам

своего ближайшего сотрудника — полк. Санина, Власов хорошо знал, что идет организованное беспощадное истребление голодом и расстрелами цвета русской нации. И в то же время он говорил в своих прокламациях о том, что «лживая пропаганда хочет напугать вас рассказами о фашизме, расстрелах и жестокостях в немецком плену», он заверял и удостоверял, что «о немецкой культуре, организации и дисциплине не стоит говорить — это давно всем известно» и что «все эти рассказы (о терроре) являются бесстыдной ложью», ибо «Адольф Гитлер сумел построить государство без нужды и террора» и т. д.

Вряд ли эти заверения нуждаются в критическом рассмотрении: их лживость слишком бьет в лицо. А если вспомнить, что как раз в августе 1942 года появилась в «Дас Шварце Кор» упомянутая нами выше статья, которая откровенно говорила о том, что «наша задача» состоит в том, чтобы Россию сделать немецкой землей «по составу ее населения и культуры» и что в сентябре 1942 года была издана согласованная инструкция о том, что должны быть «безусловно» уничтожены также русские и украинцы, то должно ли что либо прибавить к этим фактам?

Впоследствии, в январе 1946 года, один из близких соратников ген. Власова — ген. Меандров писал из под ареста: «Наше движение зародилось стихийно . . . Им воспользовались немцы в своих захватнических целях, и русский народ, слепо обманутый лозунгами германской пропаганды, проливал братскую кровь». Свидетельство мужественное и замечательное. Но надо ясно видеть: русский народ был обманут только в течение первых трех месяцев лозунгами германской пропаганды, а к сентябрю 1942 года, когда впервые выступил генерал Власов, он от этого обмана уже давно освободился. Трудно представить себе и то, что сам ген. Меандров только после окончания войны, когда он писал эти слова, постиг эту жестокую истину.

Между прочим, заместитель редактора центрального органа Власова «Воли Народа» А. Казанцев сообщает («Посев, № 23 за 1950 год), что сам Власов понимал, что в этих условиях «там, в России поймут, что это был просто обман и пропагандный трюк, и доверие будет потеряно навсегда».

Так оно, повидимому, и получилось, ибо Казанцев кон-

статирует: «С той стороны манифест никакого действия не произвел» и в то же время «было ясно видно, что на этой стороне ничего серьезного нет: в бытность Власова в Смоленске ему не разрешили ни с кем поговорить, никому не показаться, да он и сам избегал этого».

Признания, что и говорить, весьма красноречивые, но «освободительная акция» этого оригинального «Русского Освободительного Движения» продолжалась . . .

В одном ненапечатанном документе одного из ближайших соратников ген. Власова мы читаем: «В 1942 году количество добровольцев ростет, независимо от того, что русская общественность уже поняла, что немцы пришли не с освобождением, а с целью организованного грабежа и порабощения». Но если это было ясно уже в 1942 году, то зачем же «власовское движение» поддерживало нацистский обман в течение этих лет до конца войны? Зачем же РОД фактически помогало немцам? Зачем выдавали им свидетельства добропорядочности, доброжелательности и культурности и в сентябре 1942 года и в ноябре 1944 года? Можно ли удивляться тому, что «количество добровольцев ростет», когда мы знаем, что это было единственным способом спастись от голодной смерти? Именно поэтому мы и должны снисходительно судить этих несчастных солдат-красноармейцев. Только тот, кто был в этом аду в эти годы может судить о том, как невозможно трудно было устоять от соблазна. Но они вовсе не горели желанием «обратить оружие против советского правительства». Они просто искали тепла и пищи и меньше всего, надо думать, задавались высокими материями. Ведь это же явление имело место и в школе Дабендорфа . . .

Упомянутый нами «редактор» пишет: «Большинство советских солдат и офицеров не помышляли о сдаче в плен; однако, попав в плен, очень быстро становились на анти-советскую позицию». Это совершенно понятно, само противопоставление — искусственно, но отсюда до «обратить оружие» — дистанция большого размера. Тот же автор пишет, что разочарованные русские части разваливались, и этот развал выразился «в массовых переходах на советскую сторону». (Известен случай перехода летом 1943 года на советскую сторону целой бригады Гиля).

Как же, однако, немцы использовывали эту «Русскую Освободительную Армию»? Против кого она в самом деле обращала свое оружие? Для русских частей была создана специальная должность «Остгенерала», потом — «генерала добровольческих войск». Им был ген. Кестринг, который «издал приказ о переброске русских подразделений с восточного фронта на западный, где они стали на охрану берегов Франции и Дании от англо-американского вторжения».

Упомянутый нами советский офицер Алымов сообщает: «Немцы охотно принимали повстанцев и перебежчиков и отправляли их вглубь Германии для формирования, а оттуда в Грецию, в Боснию, в Италию и даже на Атлантический вал... Один из таких батальонов был в числе последних защитников Ля Рошели (Франция), и своей стойкостью изумил американцев, наивно предложивших ему «отправку на родину» по капитуляции». («Часовой», № 290).

И нынешние наследники Власова признают, что Власов никакого влияния на эти отряды не имел и ими не распоряжался. Но на нем лежала **моральная и политическая ответственность,** ибо его именем они собирались, так как же следует это квалифицировать? И к чему же тогда сводилось все РОД?

5. Р. О. Д. В ДЕЙСТВИИ

Сколько, однако, было этих батальонов? На этот вопрос мы имеем ясный и авторитетный ответ.

Когда «блитц» Гитлера явно провалился, первой это ощутила, конечно, армия. В ней проявились прорехи, их надо было заштопать, а для сего был только один гипотетический источник — русские добровольцы и перебежчики. В начале их охотно принимали в качестве «хильфсвиллиге», включали в немецкую армию, составляли вспомогательные отряды и т. д. Для усиления притока было крайне желательно, чтобы Гитлер сделал какое либо заявление о целях войны (мнимых, конечно), что шло бы по линии Геббельсовских «освобождения народов» и «братства по оружию». Но Гитлер усмотрел в этом умаление своего величия, уязвление его самолюбия, ибо в данных условиях это было бы **вынужденным** заявлением, и «Фюрер» отказался от этого. Розенберг поддержал его. Геббельс был в

отчаянии. Армия поддерживала Геббельса. 2-го Марта 1943 года Геббельс заносит в свой дневник:

«Ген. Цейцлер (начальник штаба в ставке Гитлера) прислал мне письмо по поводу моего предложения о необходимости сделать заявление на Востоке (о целях войны), сообщая мне, что оно не утверждено. Это письмо — все, что угодно, но далеко не лестно для Розенберга».

А 15 апреля 1943 года он отмечает:

«Из целого ряда показаний большевистских пленных я вижу, что воззвание ген. Власова вызвало обсуждение в советской армии ... Мы должны не только воевать на Востоке, но и проводить там политическую работу».

Через 14 дней, 29 апреля, он возвращается к вопросу:

«Ген. Власов, который сражается на нашей стороне в обособленной армии, был здорово ошарашен нашим министерством Востока (Розенберг). Он написал доклад, который прямо хватает за душу и нельзя не удивляться отсутствию политического инстинкта у нашей центральной администрации в Берлине».

Геббельс не только нервничал, но и «фрондировал».

В мае 1943 года власовская «акция» была, наконец, пущена полным ходом. На «той стороне» она вряд ли имела большой успех. Мы имеем, по крайне мере, свидетельство Иодля в Нюренберге: «В течение трех летних месяцев 1943 года нападения партизан на железно-дорожные поезда выражались в следующих цифрах: июль — 1560, август — 2121 и сентябрь — 2000». Эти цифры говорят о подлинной стихийности партизанского движения в стране. Да и каково могло быть влияние всех этих геббельсовских затей, когда наряду со всеми прокламашками произносились речи (и проводились на практике) вроде следующей речи Гимлера, произнесенной в Познани 4-го октября 1943 года (до к. P.S. 1919):

«Мы, СС, руководствуемся следующими принципами: мы должны относиться лояльно, честно и по братски к тем, кто принадлежит к нашей расе и только к ним. То, что происходит с русскими, меня абсолютно не трогает. Процветание или страдание других наций меня интересует лишь поскольку эти нации являются рабами нашей культуры. Если 10.000 русских женщин умирают от изну-

рения, копая противотанковый ров, то меня это интересует лишь постольку, поскольку этот ров нужен для Германии. Ясно, что мы не должны быть жестоки и бесчеловечны без необходимости: мы, немцы, единственный народ, который культурно относится к животным, и мы должны так же относиться к людям. Но было бы преступлением против нашей крови давать людям чужой расы идеалы, так как этим мы готовим бедствия нашим детям и внукам. Если кто нибудь придет и скажет мне: «Я не могу заставить женщин и детей копать этот противотанковый ров, они мрут, и это — бесчеловечно», то я отвечу ему: «Вы — преступник. Если этот ров не будет выкопан, то результатом этого будет смерть германских солдат. А они — вашей крови». Вот что я хочу внушить СС-цам, как один из наиболее священных законов их поведения. Я требую от них применения этого правила ко всем негерманским народам, и особенно к русским».

Мы привели эту длинную выдержку из речи Гимлера, чтобы показать, что ничего не изменилось в отношениях и в политике наци в России и спустя два года после начала похода и спустя год после выступления ген. Власова. А Гимлер и был тем, кто осуществлял верховный контроль над «Освободительным Движением» до самого его конца.

Это «Освободительное Движение», как мы выше видели, родилось еще в сентябре 1942 года, но полным ходом было пущено лишь в мае 1943 года, а уже 8 июня того жо года в ставке Гитлера состоялось совещание, специально посвященное этому вопросу, на котором Гитлер вынес свое решение по делу РОД и ген. Власова (см. приложение № 5). Поводом к этому послужила разбросанная Вермахтом прокламация № 13, в которой красноармейцы приглашались перебегать в немцам и в которой, наряду со всякими хорошими посулами, говорилось: «Когда вы перебежите к нам, то вы сможете вступить в национальную русскую освободительную армию». Гитлер запротестовал, хотя он тут же отметил, что «следует различить между пропагандой, которую я делаю«там» и тем, что мы, в конце концов, делаем сами». Тем не менее, «приказ № 13 находится вне дискуссии», ибо «мне не нужна русская армия». Кайтель поспешил его успокоить заверением: «разрешите заметить, что мы рассматриваем инициатора этих пропагандных листков, этот национальный комитет за подписью Власова, **как средство чистой пропаганды»** (курсив мой. **Б.Д.**).

Правда, ген. Цейцлер пробовал заметить, что «нужно найти что нибудь, чем можно было бы вознаградить служащих нам людей, дабы их держать у нас, что то положительное, в виде ли денег или обещания, что они потом что-то получат. Но . . . о дивизиях не может быть и речи. Батальоны еще допустимы, эти можно всегда держать в руках, Но сверх этого ни в коем случае, за исключением казачьей дивизии: эта очень полезна». На том и порешили: строить батальоны. Это-те батальоны, которые посылались на все западные фронты.

Сколько их было? Цейцлер дал справку: «78 батальонов, 1 полк и 122 роты». Это — все. Кроме того, еще 60.000 человек — нечто вроде стражи («арт вахтманшафтен»). Эти об'единены в очень маленькие отряды». «Участников добровольной помощи около 220.000 человек». И Цейцлер еще раз повторил: «есть только один полк, остальное — это батальоны». ,

По поводу этих батальонов власовский «редактор» в своем документе пишет:

> «На Востоке осталось ничтожное число русских подразделений. На Западе более трех десятков батальонов расположились по северному и южному побережью Франции, около 20 батальонов приняли участие в борьбе против союзников в Италии. 5 или 7 батальонов находились в Дании. За ничтожным исключением русские батальоны находились под немецким командованием . . . РОА продолжала оставаться мифом». «Русские батальоны на Западе, находясь в военном отношении в ведении немецкого командования, имели, однако, свои пропагандные штабы: в Париже — для Франции, в Вероне — для Италии и в Копенгагене — для Дании». «Ген. Власов . . . называл всех предателями, говорил, что это не его рук дело, а немецкая авантюра» и т. д.

Все совершенно ясно: никакой русской армии, никакого русского комитета, никакой русской «акции», а **авантюра чистейшей воды и весьма неприглядного свойства.** Немцы сознавали, что надо что-то обещать этим русским, дабы «вознаградить служащих нам людей», но в конце концов можно было обойтись и без больших обещаний: так решил Гитлер. По существу же дела никто и единой мыслью не погрешил, чтобы предложить пересмотреть цели войны. Тех целей, которые были прокламированы Гитлером на собрании высшего

генералитета Вермахта в Оберзальцберге еще в августе 1939 года, на завтра после подписания соглашения со Сталиным:

> «Я решил — заявил тогда «Фюрер» — и я пошлю на казнь каждого, кто осмелится выступить с критикой, что наши цели в войне состоят в достижении той или иной линии, а не в физическом истреблении неприятеля»... «Польша будет обезлюдена и колонизирована, и то-же произойдет с Россией». «Мы должны себя чувствовать господами мира и видеть в народах только обезьян, которых нужно подгонять хлыстом».

Эту свою принципиальную установку Гитлер никогда не менял, и не надо иметь большого воображения, чтобы понять какую жалкую роль играли Власов, РОА и «русский национальный комитет» при таком Гитлере.

6. «РАБСИЛА»

Однако, с течением времени в этой промолинейной политике и тактике наци появился большой зигзаг, ибо нацистская мысль и практика забились в безнадежных противоречиях. Гитлер уперся в тупик: весь смысл похода был им и его соратниками ясно очерчен: германизирование Востока, «лебенсраум»! Для этого мало было разбить советскую армию, для этого надо было еще уничтожить долю советского народа (минимум одну треть, думал Рундштедт). Так и поступали, и всеми способами: голодом, расстрелом, по системе «Нахт унд Небель», а то еще по иному, как то доносил, например, эстонский комиссар: «Запирать мужчин, женщин и детей в амбары и поджигать не является подходящим средством борьбы»... Прибегали, стало быть, ко всем средствам и с большим успехом.

Как уже отмечено было, «блитц» не удался. Германия стояла перед перспективой долгой войны и вынуждена была прибегать к новым мобилизациям людей и средств. Но людей было мало и потому пришли к простой мысли: мобилизовать для работы русских военно-пленных. Оказалось, однако, что их уже успели уморить, и идея о насильственном труде получила свое естественное дальнейшее развитие: привести «рабсилу» из захваченных областей Советского Союза.

Выполнение этой задачи было возложено на министра по мобилизации труда Заукеля. В марте 1942 года **Заукель** издал следующий приказ:

> «Все военно-пленные Запада и Востока должны быть включены в военную и продовольственную промышленность Германии. Кроме военно-пленных мы должны реквизировать на Советской территории трудоспособных мужчин и женщин от 15 лет. С целью оказать помощь германским хозяйкам, в особенности матерям многих детей, а также женам крестьян, Фюрер уполномочил меня доставить с восточных территорий в Германию от 400.000 до 500.000 отборных здоровых девиц. Всем рабочим должно быть дано питание, жилище и отношение к ним должно быть таково, чтобы выжать из них возможно больше при наименьших расходах».

А в октябре того же года Заукель распорядился доставить в Германию 500.000 рабочих «чего бы это ни стоило».

В декабре же 1942 года «сам» **Розенберг** представил секретный доклад, в котором мы читаем:

> «Так как война на Востоке приняла неожиданно затяжной характер, то политика Германии на Востоке должна быть изменена. Норма питания, разрешенная русскому населению, так низка, что она не обеспечивает существования. Русские осуждены на голодную смерть. Позиция, занятая одно время немцами, что на Востоке — избыток населения и уничтожение его было бы благом, должна быть изменена, так как Вермахт существует трудом населения восточных городов. Дороги забиты миллионами людей, блуждающих по ним в поисках питания. Так как это их блуждание лишает промышленность ценных рабочих часов, то необходимо питать то местное население, которое нужно для военной промышленности Германии».

Доработаться до такой ясной мысли для Розенберга было нелегко. Начались облавы на людей. Форма этой «охоты» шокировала и Розенберга, который в январе 1943 года указывал, что: «Необходимо избежать того, чтобы очереди у театров были целиком захвачены и отправлены прямо в Германию. Их ловят на улицах, на базарах, на деревенских праздниках и отправляют» . . . Шокинг! . .

Наконец, в 1943 году, выступил и великий инквизитор

Гимлер. Созвав своих эс-эсовских генералов, он обратился к ним с такой поучительной речью:

> «Русская армия была загнана в большие «мешки», разбита и взята в плен. В то время мы не расценивали человеческую массу, как сегодня, как сырье, как рабочую силу. С точки зрения поколений не приходится об этом сожалеть, но сегодня, с точки зрения нехватки рабочей силы, досадно, что эти пленные вымерли десятками и сотнями тысяч от истощения и голода».

Когда говорят о «предварительных условиях», поставленных группой Власова-Малышкина-Зыкова Гитлеру и о том, что «ей удалось настоять, и с конца 1942 — начала 1943 года был проведен ряд мероприятий, внесших существенные улучшения в жизнь военно-пленных» [4]) и т. д., то это поневоле вызывает горькую улыбку. Никаких ни «предварительных», ни последующих условий не было и быть не могло, а «существенные улучшения» были вынуждены обстоятельствами «новой политики на Востоке», диктуемой нуждой Рейха.

Эта нужда способствовала всеобщему просветлению умов насчет «остарбейтеров». **Политический департамент Розенберга** писал в своем докладе:

> «Мы имеем сейчас странное положение: после того, как пленные умирали от голода как мухи, нам необходимо сейчас собирать на Востоке миллионы рабочих, чтобы заткнуть дыры в Германии. В обстановке безграничных злоупотреблений, в отношении славян прибегали к таким способам рекрутирования, которые применялись, может быть, в самые мрачные периоды торговли рабами».

Центр нацистской партии в Берлине, в лице своего отдела Востока, писал:

> «Они умирают в поездах. Женщины рожают в пути, и новорожденных детей выбрасывают в окна... Умирающие лежат в товарных вагонах даже без соломы и порой мертвые соскальзывают из вагонов и остаются лежать на железнодорожном полотне».

Из отчета о **совещании у Геббельса** в марте 1943 года:

> «Вышеизложенное отношение к восточным рабочим привело не только к уменьшению продукции, но весьма

---

[4]) Б. Николаевский: «Пораженческое движение», «Новый Журнал», № 19, стр. 215.

плохо повлияло на политическую ориентацию населения в завоеванных на Востоке территориях, и вызвало хорошо известные затруднения на фронте».

Под этими «затруднениями» следует понимать разгром немцев у Сталинграда.

Наконец, в мае того же 1943 года просветление умов дошло до того, что Геббельс и Гимлер издали совместно меморандум, в котором читаем:

> «К иностранным рабочим в Рейхе следует установить такое отношение, чтобы сохранить их трудоспособность и добиться под'ема производительности. Несправедливость, оскорбления, злоупотребления должны быть прекращены. Запрещается бить в виде наказания. Нельзя ожидать от людей, которых ставят в положение животных или «унтерменшей», больших достижений» . . .

Сколько миллионов людей погибло, пока Геббельс и Гимлер дошли до этой мысли? . .

Битье было самой обыкновенной повседневной практикой как в лагерях военно-пленных, так и в лагерях «остовцев». Но применялись и более сложные средства наказания. Так, на самых крупных заводах Германии — Крупповских — был построен специальный железный ящик высотою в 5 футов при ширине и глубине в 16-20 дюймов, куда впихивали провинившегося рабочего (иногда спресовывали двух вместе) и оставляли в таком положении на долгие часы. Наверху в ящике были проделаны отверстия, через которые зимою на них лили холодную воду. Крупп всегда отличался высокой техникой . . .

Вряд ли надо пояснять, что та же острая ненависть, которую гитлеровцы вызвали к себе внутри Советского Союза они вызвали к себе и со стороны военно-пленных и «остовцев». О каком же «Русском Освободительном Движении» и о какой «Русской Освободительной Армии» можно было, **сохраняя хоть каплю ответственности,** говорить при таких условиях?

Дело обстояло так: идеи поставлял Геббельс, осуществлял их Вермахт, контроль держал Гимлер, а приманкой служили Власов и его РОД. Больше всех поддерживал «акцию» Вермахт, ибо ему нужны были солдаты, чтобы заткнуть прорехи в армии, но политического влияния Вермахт не имел, ибо Гитлер ему не доверял. А после покушения на Гитлера 20 июля 1944

года «все руководство РОД было — по словам «редактора» — из'ято из ведения ОКВ (Вермахта) и сосредоточено в руках Эс-Эс».

7. «АКЦИЯ»

Мифический «русский комитет» издавал для русских три газеты. Из них «Заря» предназначалась для военно-пленных, «Доброволец» — для военных формирований, а «Боевой путь» — для красноармейцев на фронте. Моей целью не является рассмотрение этой прессы, которой, к тому же, мало и раскрыто. По словам «редактора» первые 33 номера «Зари» выходили без особого давления со стороны немцев, а после 33-го номера «запрещалось писать что либо о национальном единстве России и становилось обязательным в каждом номере пронемецкий и анти-еврейский материал».

«Строго запрещено было самое слово «Россия» и все от него производные», сообщает редактор власовской газеты «Воля Народа» А. Казанцев («Посев», № 29, 1950 г.). Даже песни были исправлены: «Волга **русская** река» была переделана в «Волга **широкая** река», «Сибирь, ведь, тоже **русская** страна» в «Сибирь, ведь, тоже **славная** страна» и т. д. Россия оказалась только на берегах Шпрее, где процветали: «**Русское** Освободительное Движение» и «**Русская** Освободительная Армия» и где в листках, издаваемых немцами для русских людей усиленно хлопотали об освобождении России от «еврейско-большевистского владычества». Странная это была «Россия» . . .

Можно допустить, что Власов и его окружение пытались проводить свои идеи, которые не были ни нацистскими, ни антисемитскими (разумеется, в конгломерате «власовцев» было достаточно и нацистов, и антисемитов. Один Жеребков чего стоит?), но они вынуждены были проводить на деле то, что было волей подлинного хозяина положения, от которого зависела не только вся «акция», но просто физическое существование всех «власовцев». Знакомый уже нам «редактор» пишет:

> «Официально РОД было разрешено лишь как фиктивное и рассматривалось как пропагандный трюк». «Для контроля того, чтобы деятельность Зыкова не переросла рамки пропагандной акции был назначен полк. Мартин». Но были разногласия между нацистской партией и воен-

ными. Ими воспользовался Зыков, чтобы вызвать к жизни РОД и превратить его из пропагандного трюка в действительное политическое течение».

Может быть Зыков **пытался** превратить РОД в «политическое течение», но это ему **не удалось ни на один день,** и безуспешность этих попыток может быть доказана не только всей практикой наци в отношении «славян», но и судьбой Зыкова: в один день Зыков, который, как передают, был настоящим политическим и идеологическим главой всей власовской «акции», был арестован, и след его пропал. Предполагают, что с ним поступили по декрету «Нахт унд Небель». А «РОД» продолжало свою «акцию» ...[5])

Нас здесь интересуют не отдельные лица, а лицо всего «движения» в целом. Но интересно отметить, что этот самый Зыков, по словам «редактора», отдавал себе отчет в печальных перспективах своей затеи. Он говорил: «Наши личные шансы я оцениваю невысоко. 30% за то, что нас ликвидируют сами немцы, 30% за то, что мы попадем в руки советов, и они тоже с нами не постесняются, 30% за то, что нас повесят англичане

---

[5]) Фигура Зыкова весьма неясная, чтобы не сказать темная. Б. Николаевский, на основании рассказов участников РОД, рисует его, как политическую фигуру первой величины, как настоящего «вождя» РОД. Того же мнения и «редактор», согласно которому Зыков был первое лицо в «движении»: это он все писал и диктовал, а Власов только произносил и подписывал. Такова же оценка и редактора «Воли Народа» А. Казанцева. Но он при этом отмечает: «Гибель первого редактора «Зари», как и его появление, было покрыто тайной»... Перечисляя же возможные варианты в об'яснение его исчезновения, он кончает так: «многими русскими потом рассматривалось как вероятное... что он является крупным сотрудником НКВД со специальным заданием». («Посев», № 27 за 1950 г.).

Участник «движения» А. Алымов делает такое примечание к дневнику капитана Петрова: «Позже майор Зыков был, действительно расшифрован, как большевистский агент, но успел скрыться». Это было напечатано в июньском № 298 «Часового».

В свое время Б. Николаевский писал: «В настоящее время можно считать, повидимому, установленным, что Зыков был евреем.. Его фамилию удалось установить, но публиковать ее преждевременно». («Новый Журнал», № 21, стр. 289).

Вряд ли можно предположить, что НКВД, посылая в стан Гитлера своего агента, выберет для этой цели еврея. Нам все же кажется, что те, кому сие надлежит, должны были бы выяснить личность Зыкова. Впрочем, для нашей работы это значения не имеет.

или американцы, несмотря на все наше к ним уважение... 10% я все же оставляю за то, что нам удастся выйти сухими из воды». Оценка оказалась оптимистической.

Бывший офицер 1-ой дивизии РОА А. Осипов, видимо хорошо осведомленный, так сообщает по этому же вопросу:

> «После вступления 1-ой дивизии в Чехию, штабу РДО стал известен секретный приказ Гимлера, который был отдан задолго до капитуляции. Содержание этого приказа окончательно рассеяло сомнения тех, у кого могли еще они быть, по поводу истинного отношения немцев к акции Власова и к РОА. В приказе была сделана немецкая политическая оценка власовского движения и содержались прямые указания на **необходимость физического уничтожения командования РОА, крупных деятелей Освободительного Движения и самого ген. Власова, как в случае военно-политического краха Германии, так и в случае победы** (курсив мой, Б. Д.). Совершенно понятно, что приказ этот не мог способствовать улучшению отношений с немцами». («Часовой», № 294).

Таким образом потребовалось пред'явить приказ об уничтожении, чтобы, наконец, в мае 1945 года власовцы окончательно поняли «отношение» немцев к «акции». Может быть поэтому 1-ая дивизия вступила в Праге в бой с эс-эсовцами? К тому же надо помнить, что к этому времени все уже было кончено, это были последние дни войны.

Вся практика Гитлера в течение четырех почти лет войны с Россией, гибель и уничтожение миллионов были недостаточны для того, чтобы раскрыть глаза власовцам на сущность «отношений». Потребовалась угроза уничтожения **всех** вождей «движения» (Зыков, видимо, был скоро забыт или он был уже «расшифрован»), чтобы «окончательно рассеять сомнения». Завидный оптимизм!

Но все это было позже. А пока, в течение двух лет: Сентябрь 1942 — Октябрь 1944 годов дело разыгрывалось по музыке Геббельса в исполнении Гимлера при дирижере Розенберге. Власовский оркестр играл явно фальшиво. Теперь это признают и весьма видные из бывших «власовцев».

Так, доктор Н., член КОНР (Комитет Освобождения Народов России), высшего политического органа при Власове, описывая состав высшего генералитета Власова: Малышкина, Жиленкова и Трухина и отмечая, что «все эти генералы были пи-

томцами школы пропагандистов РОА в Дабендорфе (около Берлина)», продолжает:

> «Странное это было учреждение. Основным его заданием было подготовить кадры пропагандистов. Слушатели набирались из лагерей военно-пленных, в связи с чем состав их был весьма пестрый: наряду с убежденными анти-большевиками было не мало и таких, которые хотели таким способом избежать ужасных условий жизни в лагере, в особенности голода и холода и выйти на свободу (слушатели и кадры РОА получали паек немецкого солдата, и таким образом, были совершенно обеспечены». («Возрождение», тетрадь седьмая, стр. 108).

Говоря другими словами, люди спасались от мук голода и холода и от смерти как могли, в том числе и поступая в школу пропагандистов в Дабендорфе, в чем ничего странного не было. Никакого РОА на самом деле не было, и тот же доктор Н. прямо устанавливает, что

> «Все соединения РОА, сформированные ранее организации Комитета (т. е. до начала 1945 года. **Б. Д.**) находились под командой немецкого генерала Кестринга («Остгенерала». **Б. Д.**). Влияние Власова либо Комитета на участие их в боевых операциях фактически равнялось нулю» (там же, стр. 105). «Только в январе 1945 года Власов получил в командование две дивизии, которые находились в стадии формирования и в боевых действиях участия не принимали» (там же).

Мы увидим дальше, что образована была всего одна дивизия, что было это во второй половине апреля 1945 года, т. е. когда война была фактически закончена, и Гитлер доживал в своем бункере в Берлине последние дни и что в действии эта дивизия практически никогда не была.

Мы имеем, таким образом, потрясающее свидетельство самих власовцев: все кончилось, как и началось, мифом, политической траги-комедией, стоившей столько жизней, в которой банда Гимлер-Геббельс-Розенберг заставляли русских генералов разыгрывать неумные и непочтенные роли, заставляя их помогать Гитлеру разлагать русский фронт и тыл своей обманной пропагандой и фикцией своего существования и все это для того, чтобы потом самим ими же быть уничтоженными при всех условиях. Как писал когда то Мартин Борман: «если они нам не нужны, то они могут умереть».

Власовский генерал — Меандров — писал в январе 1946 года из под ареста: «мало, очень мало вырвали мы из рук немцев русских людей, позволили им обманывать их». Дабендорфская школа и батальоны РОА действительно служили «островами спасения» для гибнущих людей. В этом их заслуга. Но как сосчитать, во сколько жизней обшлась вся власовская пропаганда с призывом сдаваться, перебежать и т. д., весь этот трюк Геббельса? Увы, «власовское движение» не только «позволило» немцам обманывать русских людей, но демонстрацией своего существования, фикцией этого «движения» и своими призывами помогало этому обману.

8. НАЧАЛО КОНЦА

Мы, однако, отвлеклись и должны вернуться. За те два года, которые прошли со времени первого выступления Власова — от сентября 1942 года и до торжественного провозглашения так называемого «Пражского Манифеста» — 14 ноября 1944 года — произошли большие события, значение которых можно отметить географически: в сентябре 1942 года немецкое войска стояли на Волге, а в ноябре 1944 года советские войска стояли у восточных границ Германии, а на Западе англо-американские войска подходили к западным границам Германии. Рейх издыхал. Об этом было Гитлером строжайше запрещено — под страхом смерти — говорить. Слово «поражение» было под запретом до самого конца. Но это «поражение» было всем очевидно, и даже Розенбергу. Последнее мы можем заключить из того необычайного факта, что 19 сентября 1944 года министр уже не оккупированных областей Востока разослал высокопоставленным адрессатам совершенно необыкновенный документ: «Записку высшего советского офицера» (см. приложение № 6).

Имя этого офицера осталось неизвестным. Вряд ли, однако, это был власовец. С одной стороны Розенберг относился к Власову, как креатуре Геббельса, весьма отрицательно, а с другой стороны бывший начальник канцелярии Власова А. Кромиади пишет: «Власов отказался видеться с Розенбергом» («Новое Русское Слово» от 6.4.1950). Признаемся, что мы относимся скептически к такой непреклонности Власова и по-

дозреваем, что отказ последовал со стороны Розенберга, ибо это больше как-то соответствует соотношению сил. К тому же, мы никак не можем уловить тонкую разницу между Розенбергом и Гимлером, который был «шефом» Власова.

Записка эта отправлена **Розенбергом** по трем адресам:

1) Верховному командованию Вермахта (т. е. Гитлеру и Кайтелю);

2) Генеральному Уполномоченному по мобилизации труда (т. е. Заукелю);

3) Министерству пропаганды (т. е. Геббельсу).

Розенберг скрыл имя этого «высшего советского офицера» и в своем сопроводительном письме только поясняет, что «речь идет о воззрениях, распространенных среди освобожденных военно-пленных, беженцев и эмигрантов с Востока».

Ничего нового для нас в этом документе нет. Отличается он двумя чертами: густопсовым анти-семитизмом и — в условиях гитлеризма — большой смелостью речи. Приходит на ум даже мысль, что этот выпираемый автором на каждом шагу антисемитизм призван служить ему прикрытием для его рискованной откровенности. Интересно только то, что такой документ **мог** появиться, и что Розенберг, сам Розенберг, разослал по самым высшим адресатам это послание русского «унтерменша». Это как нельзя лучше доказывает, что в сентябре 1944 года неизбежная гибель Рейха была ясна уже и ему. И этот же документ показывает, что вся гнусная практика наци в отношении русских военно-пленных и «остов» была хорошо известна всем, как и то, что ни о каком пораженчестве внутри страны не было тогда и речи.

«Записка» советского офицера совпадает по времени с другим документом от 22-го сентября 1944 года, принадлежащим перу руководителя отдела «Антибольшевизм» в министерстве пропаганды Геббельса — доктору Тауберту (см. приложение № 7).

Из этого последнего документа мы узнаем, что новое выступление Власова было намечено уже к сентябрю, но «решено было опубликование задержать на неделю . . . по внешнеполитическим соображениям». Решено было также произвести реорганизацию и выправить допущенное «извращение», чего

Геббельс уже давно добивался. Посему, решено создать под руководством обергруппенфюрера Бергера и его штаба (весьма высокий чин в нацистской партийной иерархии) отдельные национальные комитеты. Во главе русского национального комитета будет поставлен ген. Власов. Во главе украинского — Скоропадский. В каждом национальном комитете будет уполномоченный по пропаганде Финеты ("Vineta") и **«все внутри направляется нами»,** но **внешне** «национальный комитет будет выступать в роли издателей газет и брошюр» и т. д. Решено было даже допустить «организацию среди восточных народов политических партий с национал-социалистическим ходом мыслей», что было до тех пор «унтерменшу» запрещено, и, наконец, как венец творения, ввести новые «ост-знаки», которые «производят очень благоприятное впечатление».

В это же время Фюрер назначил гауляйтера Коха «Рейхскомиссаром Восточных областей» (Украина уже была потеряна). Это было личный враг Розенберга, но «философ» в конце концов согласился с этим назначением. Не потому ли, что этих «Восточных областей» вскоре не оказалось у него, и сам Розенберг уже был министром больше неоккупированных областей Востока?

Противилось этому назначению и министерство пропаганды Геббельса, ибо «имя Коха — это программа», и это может испортить новую игру. Но «Фюрер», видимо, считал, что назначение Коха вполне гармонирует с «новой политикой» на Востоке и с рождением нового «Комитета Освобождения Народов России» (КОНР). Для «Фюрера» ничто не изменилось. На деле же кое что все таки изменилось, и мы имеем тому доказательство.

Авторитетный свидетель — сотрудник Гимлера — доктор Рудольф Каснер показывал в Нюренберге:

> «В первой половине ноября 1944 года 20.000 евреев были взяты из Терезенштадта в Аушвиц и отправлены в газовые камеры, по распоряжению Эйхмана. Насколько я знаю, это было в последний раз . . . 25-го ноября Гимлер приказал взорвать динамитом газовые камеры и крематории Аушвица и запретил убивать евреев» . . . «В надежде установить контакт с союзниками Гимлер делал уступки, от которых не ожидал никакой себе выгоды. Таким и был приказ от 25 ноября, запрещающий в будущем убивать евреев». (U.S.A., Exibit 242).

Все это, конечно, ново и показательно, а самое показательное это — то, что в ноябре 1944 года даже Гимлер уже пытался заигрывать с союзниками и приносил «жертвы».

Как бы то ни было в этой именно военной и политической обстановке и родился 14 ноября возвещенный КОНР «Пражский Манифест» Власова.

9. «ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ» И КОНР.

Продолжатели «власовского движения» обыкновенно очень мало говорят о периоде сентябрь 1942 — ноябрь 1944 годов, т. е. о главном периоде деятельности Власова, ровно также не вынесена на свет божій и литература, издаваемая в те времена: «Заря», «Доброволец» и т. д. Вероятно, «власовцы» имеют для этого основания. Но зато они усиленно опираются на «Пражский Минифест» и деятельность «КОНР». Они строго различают эти два периода, и возможно, что им и в самом деле кажется, что в ноябре 1944 года «перевернулась страница истории».

В свое время так же говорили и писали Власов и его друзья. Так, делая смотр Н—ской части РОА, Власов сказал: «14 ноября 1944 года войдет в историю Освободительной борьбы Народов России, как величайшая дата» («Воля Народа», № 3/4), а ген. Жиленков в № 1 «Воли Народа» писал: «Комитет Освобождения Народов России открывает новую страницу в истории». Только и всего. И далее: «Наше Освободительное Движение — не случайное явление, могущее или победить, или погибнуть. Оно может только победить».

Это было сказано в ноябре 1944 года, но и сейчас член КОНР доктор Н. пишет:

> «Во избежание путаницы Освободительным Движением следует считать только то, которое оформилось в ноябре 1944 года в Праге и которое, следовательно, существовало немногим больше пяти месяцев».

В силу сказанного необходимо более подробно рассмотреть, на основании точных данных, что же имело место в ноябре 1944 года и после того в «акции» РОД.

Мы ничего не знаем о тех переговорах Власова и его окружения с властями Рейха, которые, неизбежно, разумеется,

предшествовали организации КОНР и появлению «Пражского Манифеста». Об этом ничего не сказано было не только тогда, когда этот документ появился, что вполне понятно, но и по сих пор. Мы должны поэтому ограничиться тем, что опубликовано, и прежде всего официальной печатью КОНР.

«Манифест» был подписан в закрытом заседании КОНР 10 ноября 1944 года, как то сообщает д-р Н. Опубликован он был на торжественном заседании КОНР в Праге 14-го ноября и в печати он появился на следующий день в № 1-м вышедшего органа КОНР — «Воля Народа». Судя по описанию и по фотографиям, помещенным в этой газете, «Учредительное заседание было обставлено с возможной торжественностью.

В отчете об этом заседании сообщается:

«Учредительное заседание приветствовал государственный министр Франк»,

«От имени имперского правительства Великогермании учредительное заседание приветствовал заместитель министра иностранных дел — Лоренц».

«Имперский министр Г. Гимлер прислал учредительному заседанию Комитета приветственную телеграмму».

Это значит, что персоны первого ранга Рейха пожелали демонстрировать свое одобрение и благоволение Комитету и оказать ему «моральную поддержку».

Конечно, сам Гитлер, как «Верховное существо» не снизошел до Комитета, молчал и министр более неокупированных областей — Розенберг, не желая публично связывать своего имени с этими «унтерменшами», но молчал и родоначальник идеи — Геббельс, боясь, вероятно, скомпрометировать «акцию».

«Манифест» дает следующий анализ и об'яснение происходящей войны:

«Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и Соединенных Штатов Америки, величие которых строится на угнетении и эксплоатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающей о мировой революции и уничтожения национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием».

При таком положении дела, когда в лице немецких полчищ мы должны видеть «свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью», чего им, повидимому, другие не позволяют делать, легко было уже об'яснить, почему Комитет связал себя именно с ними.

«Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплоататоров».

Кого следует понимать под туманной фразой об «эксплоататорах» остается только догадываться. Самым важным, однако, является, конечно, пункт первый, трактующий о возвращении народам России прав «Февраля».

Если бы можно было забыть о присутствовавшем тут министре Рейха Франке (повешен в Нюренберге) и о приветствиях и благословениях представителей Фюрера; если-бы об'явлению этой цели не предшествовала характеристика борющихся сторон; если бы это не сопровождалось «вступительной речью Власова» (о ней дальше), то можно было бы подумать, что речь идет о восстановлении принципов Февральской революции и только. Но так как все эти «если бы» имели место и напечатаны **рядом в том же номере** «Воли Народа», то декларация о целях восстановления «Февраля» безнадежно блекнет, и ее включение в «Манифест» кажется случайным недоразумением.

Но факт ее включения в «Манифест» **с одобрения гитлеровских министров** весьма интересно отметить. «Манифест» предназначался на «ту сторону», и выпячивание на первое место этой цели говорит о том, что идеи Февраля все еще крепко сидят в народе. Вряд ли вне этого условия Гимлер и Розенберг разрешили бы это вставить.

Дальше «Манифест» выражает уверенность в том, что «Успешное завершение борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революции 1917 года;

б) наличием ростущих и организующих военных сил Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу» и т. д.

Во вступительной речи Власова об успехе «акции» говорится еще категоричней:

«Несмотря на продвижение Красной армии, сейчас обстановка для свержения большевизма более благоприятна, чем два года тому назад», т. е. когда Власов впервые выступил со своим воззванием.

В своей речи от 18 ноября — о чем ниже — Власов вновь заявляет: «Мы знаем, что кольцо на фронте не крепко и что разорвать его не так уж и трудно».

Верил ли Власов своим собственным словам? Очень трудно себе это представить. Не надо было обладать военным гением, чтобы видеть приближающуюся гибель Рейха. Ее видели и все штатские люди. Член КОНР д-р Н. пишет: «Осень 1944 года . . . Только совершенно неисправимые из твердолобых наци могли верить в победу Германии в это время». Бывший офицер РОА А. Осипов подтверждает: «В октябре 1944 года Гитлер понял, что война проиграна . . . и, как погибающий цепляется за соломинку, разрешил, наконец, Освободительному Движению Народов России приступить к проведению в жизнь . . . числящейся только на бумаге РОА». («Часовой», № 278).

Самое интересное в этих словах не опровержение (сейчас, задним числом) заверений Власова о неизбежной победе, а признание, что до ноября 1944 года РОА существовала только на бумаге. Но, ведь, РОА была основой всей «акции» Власова, без нея оставалась только пропаганда, направленная к разложению советского фронта, **т. е. работа Геббельса.** Без РОА имевшиеся «на бумаге» батальоны приходится признать просто частями Вермахта и только. Но это между прочим; верил ли Власов в то, что он говорил? а если нет, то зачем он это говорил? Придется допустить, что от него этих слов требовали, что они были ему навязаны Гимлером или Геббельсом. Но если это — так, то . . . что нового и «исторического» произошло в эти дни ноября 1944 года? . .

Кончается «Манифест» призывом:

«Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие».

Как уже отмечено было, «Манифесту» предшествовала «вступительная речь ген. А. А. Власова», из которой мы считаем необходимым привести наиболее важные места, ибо речь должна была, очевидно, явиться политическим коментарием к «Манифесту»:

«Во время моего свидания с государственным министром Гимлером, в течение нашей длительной и сердечной беседы, протекавшей в духе взаимного понимания и касавшейся всех вопросов счастливого будущего народов России, я сказал: «У нас общий враг. Благополучие наших народов в победе над общим врагом. Наши народы не должны питать чувства ненависти друг к другу. Будущность и величие наших народов — в дружбе, в совместной борьбе и работе. Не время сейчас вспоминать ошибки и личные обиды. Кто старое помянет — тому глаз вон».

Надо думать, что в дни ноября 1944 года Гимлер охотно с этим согласился... Власов продолжает:

«И всего лишь три дня тому назад я имел свидание с имперским министром иностранных дел фон-Риббентропом. Господин фон-Риббентроп также с полным пониманием отнесся к устремлениям Комитета Освобождения Народов России и заверил нас в полной своей поддрежке».

«Только врагам народов России и немецкого народа выгодна вражда и ненависть между этими народами. Сталину удалось искусственно разжечь эту ненависть».

«Ненависть между народами России и немецким народом недолговечна. Она исчезнет, так как наш союз основан на исторической общности, на экономической и географической необходимости»...

«Сегодня мы можем заверить Фюрера и весь немецкий народ, что в их тяжелой борьбе против злейшего врага всех народов — большевизма, народы России являются их верными союзниками и никогда не сложат оружия, а пойдут плечо-к-плечу с ними до полной победы». («Воля Народа», № 1).

Надо полагать, что когда Власов давал эти свои заверения «Фюреру» он все же стыдливо опустил глаза.

«Плечо-к-плечу» он шел с «Фюрером», к счастью, не до полной победы, а до полного поражения. Когда — в апреле 1945 года — это поражение стало фактом, Власов и КОНР покинули Фюрера и попытались оторваться от гимлеровского шефства. Разумеется, все это было уже слишком поздно, и катастрофа стала неминуема.

***

С Власовым в это время были несколько основных фигур. Одной из них был ген. Жиленков, начальник пропаганды и редактор центрального органа КОНР. — «Воля Народа» [6]) Его статьи приходится, поэтому, рассматривать, как официальные. В том же № 1 «Воли Народа» помещена весьма обширная его статья в форме «интервью, данное иностранным корреспондентам», имевшая целью комментировать события. Мы приведем только одно место из этого «интервью»:

> «**Вопрос**: В чем выражается помощь Германии Русскому Освободительному Движению и об'единенной борьбе выступающим против большевизма народов?»

---

[6]) О ген. Жиленкове его ближайший сотрудник и заместитель по редакции в «Воле Народа» — А. Казанцев, сам старый эмигрант и солидарист, сообщает следующее:

«Георгий Николаевич Жиленков, впоследствии один из организаторов и руководителей Русского Освободительного Движения, генералом и вообще военным никогда не был. Был секретарем Ростокинскочго Райкома партии в Москве... А секретарь райкома в Москве — это уже почти правительство... В недавно сформированную 24-ю ударную советскую армию Жиленков был командирован, как член Военного Совета, с правом в случае нужды заменить командующего армией». Жиленков попал в плен, «в качестве простого солдата». «Набор во вспомогательные части немецкой армии из советских военно-пленных был в то время уже очень распространенным явлением. Как доброволец попал в такую часть и он. Восемь месяцев шофером грузовика он ездил в немецкой транспортной колонне. В октябре 1941 года был под Москвой, на фронт возил боеприпасы и раненных с фронта»... «От Москвы немцы откатывались под ударом частей Красной армии, которыми командовал и генерал Власов, позднее возглавлитель и организатор Освободительного Движения». («Посев», № 21 за 1950 г.).

Таким образом, сей столп коммунистической партии, «почти правительство», перешел к немцам еще летом 1941 года, как только попал в плен и бился с Власовым, защищавшим в ту пору Москву. В ноябре 1944 года Жиленков был правой рукой ген. Власова.

«**Ответ:** Неоценимую помощь народам России в их освободительной борьбе Германия оказала уже тем, что первая из всех других стран подняла знамя борьбы против большевизма, против попыток неистовствующего интернационализма поработить все народы и подвергнуть их такому же гнету,котор ому подвергаются народы России. Взяв на себя величайшее бремя борьбы против большевизма, нашедшего в лице империалистических Соединенных Штатов Америки и Англии своих временных союзников, Германия совершает дело защиты всех народов, всех культур и цивилизаций от их порабощения и разрушения. Поэтому многомиллионные массы народов России приветствовали борьбу, начатую Германией».

«Неоценимую услугу народам России Германия оказала тем, что под ее ударами во многих местах рухнули стены, воздвигнутые большевиками, и это дало возможность многим миллионам людей уйти из под гнета большевистского террора».

«Неоценимую услугу народам России в их освободительной борьбе оказала Германия тем, что не только предоставила приют этим миллионам людей, но и предоставила им возможность организоваться в самостоятельную политическую силу, направленную к свержению сталинского режима».

«Неоценимую услугу народам России в их освободительной борьбе против большевизма оказала Германия тем, что предоставила оружие для вооруженной борьбы, без которой немыслимо уничтожение большевизма».

«Это — то, что мы уже рассматриваем, как огромную помощь Германии делу освободительной борьбы Народов России» и т. д.

При любом воображении невозможно себе представить, что Жиленков с серьезным лицом уверял, что вывезенные насильно для рабского труда «остовцы» «нашли приют» в Германии и этим Германия оказала русскому народу «неоценимые услуги». Но, ведь, это писалось в день 14 ноября, когда кое кто из власовцев, может быть, еще верил, что разрешенное «Освободительное Движение» и в самом деле является «самостоятельной политической силой». Как же это надлежит понять?Возможно, что они **вынуждены** были это писать, но тогда они ясно видели с первого дня, что они пленники Гитлера. Но и при всем том, как мог Жиленков не чувствовать мрачной иронии своих слов, и что же должны были думать, читая это, те русские люди в лагерях, к которым он обращался? Непонятные

слова, неизвестно на кого расчитанные, но в конкретных условиях, надо прямо сказать, сверхциничные.

Надо быть о своих читателях уж слишком низкого мнения, чтобы осмелиться преподносить им такие перлы, или вроде того, что ген. Власов сказал на смотру какой-то Н-ской части: «Настоящая война является не войной национальностей, но войной идей. Вот почему мы стоим за честный союз с немцами и вот почему большинство немцев нас уже поняло». («Воля Народа», № 3/4).

Можно ли думать всерьез, что ген. Власов не видел существенной разницы между «идеями» Гитлера и . . . идеей Февраля, если он о них ратовал? Но это, очевидно, невозможно предположить, и опять остается единственное об'яснение, что читал он по шпаргалке Геббельса. Доктор Н., член КОНР, удостоверяет, что ни одной бумажки никто из них без согласия комиссара наци написать не мог.

Но вот выдержка из другой любопытной речи ген. Власова «на торжественном собрании представителей народов России», состоявшемся 18 ноября 1944 года и напечатанной в № 3/4 «Воли Народа»:

> «До предела достигло напряжение на всех фронтах происходящей грандиозной войны. Но тот, кто оценивает сегодняшнее состояние войны лишь по линии фронтов, начерченных на карте, и лишь из этого делает свои предвидения — совершает величайшую ошибку или нарочито не хочет видеть настоящего соотношения сил. Да, войска англо-американцев заняли значительную часть Италии, Франции, Бельгии и Голландии. Войска большевиков заняли Румынию, Болгарию, Финляндию, Сербию, часть Венгрии и подошли к границам Германии. Плутократы и большевики собрали все, что могли собрать и бросить в аттаку на Германию — оплот национальных сил молодой Европы. Они окружили ее как бы сплошным кольцом. Но мы не принадлежим к категории слабонервных людей. Мы знаем, что кольцо фронтов не крепко и что взорвать его не так уж трудно».
>
> «Мы выступаем заодно с германским народом в честном и открытом союзе. Наш союз обусловлен общностью интересов и общими стремлениями к миру и дружному сожительству. Только в Германии мы видим сейчас единственную силу, которая непреклонно держит знамя борьбы против большевизма. Поэтому мы будем итти рядом с нею до полной победы» . . .

«Немецкий народ и немецкое правительство, полные уважения к нашей борьбе и к нашему труду, всемерно поддержали нас. Они показали искреннюю готовность помочь нашему великому делу».

«Освободительная борьба против большевизма происходит не только на полях сражений. Успех этой борьбы не в меньшей мере обеспечивается работой в тылу. Тыл Германии — это сейчас тыл антибольшевистского фронта, значит и наш тыл. Помните это, соотечественники. Покажите перед народами всего мира, на какой трудовой энтузиазм вы способны. Обеспечьте своих братьев, борющихся на фронтах за возвращение на освобожденную родину всем необходимым для борьбы. Умножайте свои трудовые усилия и свою помощь фронту. Комитет приложит все усилия, чтобы облегчить ваше положение на чужбине, связанное с войной. Однако, надо помнить, что наши братья и сестры, еще находящиеся под гнетом большевизма, испытывают несравненно большие лишения».

«С нами симпатии всех прогрессивных народов мира», уверяет Власов.

Когда читаешь все это, хочется сказать: «помилосердствуй, знай же меру» ... Ну, был ли хоть один русский человек, который мог бы поверить в то, что «немецкое правительство полно уважения к нашему труду» и т. п.? .. Но какой дозой печального «мужества» надо было обладать, чтобы обратиться к нашим «остовцам», находившимся за колючей проволокой и охранявшимися собаками, с требованием «показать трудовой энтузиазм» и «умножать свои трудовые усилия». Что должны были думать об этом те, к которым эти призывы обращались, чувствуя себя «унтерменшами» в плену, рабами? ..

Разумеется, определенная доля ипокризии, фальши, притворства, нарочитого оптимизма и т. п. неизбежна в таких случаях, но «власовцы» нарушили все допустимые и мыслимые пропорции и они это делали с каким-то упоением и «смаком». Вот, например, обмен телеграммами по поводу «Манифеста» между начальником генерального штаба Вермахта — генералом Гудерианом и ген. Власовым. Гудериан пишет: «Победа в этой совместной борьбе нам обеспечена». Казеная ложь. Власов отвечает:

«Для наших воинов ясна высокая и благородная цель их (немцев) борьбы — освобождение Родины от большевизма и счастливое будущее их народов. Наша общая и

скорая победа будет торжеством всех свободолюбивых народов».

Эта напыщенная фальшь слащава до тошноты, и просто непонятно, как они смотрели друг другу в глаза . . .

Власов и КОНР решили, видимо, притвориться, что они все принимают всерьез, и что у них подлинный военный и политический союз с Рейхом на каких то «договоренных» условиях. Имеются, мол, два союза: англо-американо-советский и гитлеро-власовский. Какая разница? И тут и там по диктатору, а кто из них «враг № 1» — так о том спорить можно. Пусть себе «плутократы» и их прихвостни считают врагом № 1 — Гитлера, а мы, Власов и КОНР, будем считать Сталина. Поди докажи, кто прав . . .

Во всем этом столь «логическом» построении есть только один изъян: Рузвельт, Черчиль и Сталин договаривались, как **свободные и равноправные стороны,** друг от друга независящие, и никто из них не мог другому предписывать ни действий, ни речей, ни воззваний . . . Они сговаривались, где и на чем могли, а вне этого каждый поступал по своему разумению и желанию. «Союз» же Власова с Гитлером был «тоже союзом», из коих один — Гитлер — обладал всей технической, военной и финансовой мощью, а другой — Власов — ничем, а был просто в плену и жил, и дышал, и действовал, пока то было Гитлеру угодно. Отсюда те самые речи и заверения, которые мы привели выше. И Власов, и КОНР хорошо знали, что они — пленники, что они в лапах Гитлера, который может их в любой момент прикончить, но что «отступления нет» и «мосты сожжены», как то пишет доктор Н. А в этих условиях вопрос из плоскости политической переходит в плоскость морали, ибо они были не союзники, а **прислужники.**

Шло подлинное театральное лицедейство. Например, в № 8 «Воли Народа» от 24 января 1945 года напечатана передовая статья под заглавием: «Кредитное соглашение». В ней сообщается, что «заключенное 18 числа кредитное соглашение между германским правительством и Комитетом Освобождения Народов России представляет один из важных моментов, доказывающих то взаимопонимание и обоюдное доверие, которое в настоящее время имет место между руководителями Германского государства и нашим Комитетом, возглавляемым генералом Власовым».

Для полноты стиля здесь не хватает только формулы: «высокие договаривающиеся стороны». КОНР не считал нужным сообщить, в чем же «соглашение» заключается: какие кредиты и на каких условиях Гитлер им отпустил. Но мы, грешным делом, думаем, что и сообщать то было нечего, ибо немцы правильно рассматривали «акцию», как свою и потому и расходы по ее содержанию внесли в свои сметы и только. Мы думаем, что в январе 1945 года не очень высоко стоял кредит самих немцев, а уж учесть кредитоспособность Власова и КОНР более чем затруднительно.

Со времени «Пражского Манифеста» уже прошло два месяца, и КОНР уже имел все возможности убедиться в точном содержании и смысле своей «акции». Однако, во вне торжественность тона продолжается. В той же статье КОНР заверяет, что «германское правительство оказывает широкую поддержку Освободительному Движению Народов России, не претендуя на честь и суверенные права нашей Родины». «Наше движение имеет свои самостоятельные цели, не зависящие от политики никакого другого государства». Неуместный и мрачный юмор . . .

10. КОНЕЦ АВАНТЮРЫ

Остается досказать о последних месяцах «акции», проходивших на фоне заката Гитлера и Рейха.

Когда доктор Н. настаивает, что «Освободительное Движение оформилось только в ноябре 1944 огда в Праге и, следовательно, существовало немногим больше пяти месяцев», то в об'яснение сего он приводит только то соображение, что до тех пор на деле никаких отрядов в распоряжении Власова не было, что это был генерал без армии, что до того все части РОА подчинялись только немцам, а, вот, в ноябре месяце 1944 года Власову были даны две дивизии. Это было бы резонно, если бы хотя бы эти две дивизии были реальностью, если бы Власов хоть в последние пять месяцев и впрямь имел бы в своем распоряжении две вооруженные дивизии, какую то реальную вооруженную силу. Увы, это было на деле совсем не так, и сам д-р Н. пишет:

> «Однако, вплоть до краха, ни одна из этих дивизий так и не приняла участия в боевых операциях, если не

считать весьма непонятного выступления одной из них на стороне чехов в Праге в мае 1945 года. Между тем немецкое военное командование широко пользовало части РОА под немецким руководством и, что самое возмутительное, использовало их в борьбе не только против большевиков, но и против союзников».

Таким образом, и д-р Н. признал, что отряды РОА были на деле на службе у немцев на западном фронте и вовсе не действовали против «большевиков». Как мы видели, д-р Н. пытается отречься от того периода, который предшествовал Пражской «акции». К сожалению, он нам не об'ясняет, что **на деле** изменилось и как нам следует относиться к тому, что было до того в течение двух лет. Доктор Н. не прав: так называемое «власовское движение» было едино и началось оно в сентябре 1942 года, если не до того еще. Никто из тех, кто претендует на «власовское наследство», будь то САФ, АЦОДНР или СБОНР не говорит только о последних пяти месяцах и с полным правом. Ничего существенного период «Пражского Манифеста» не внес в «движение»: батальоны РОА продолжали быть у немцев, никаких реальных дивизий у Власова не было, и ничего КОНР не мог предпринять в «русской акции», как и до него. Единственная созданная, наконец, дивизия была вооружена только в апреле 1945 года, но когда ее хотели бросить в бой, то война была уже настолько очевидно проиграна Гитлером и сопротивление настолько бессмысленно, что и Власов со своим штабом, и эта дивизия поспешили покинуть «тонущий корабль» и самовольно двинулись с Востока на Запад.

Надо отметить, что эта Первая дивизия была по составу своему весьма юного возраста, «30% солдат получали особый юношеский паек», одели ее в германскую форму, ибо русскую Гитлер не позволил, и «пришлось ограничиться маленькими изменениями германской формы, которые выразились в снятии нагрудных орлов со свастикой, заменой германских кокард старыми русскими и нашитием на рукав особого щитка с андреевским флагом и надписью РОА» (А. Осипов). Вот и все.

И еще одно: «остовцам» выдали нагрудные знаки «ОСТ» нового образца.

Реформа, что и говорить, весьма значительная, но политическое значение сего понять трудновато.

Впрочем, несомненно, что чем ближе к концу, тем яв-

ственней выделялся «либерализм» Гимлера, тем терпимее относился он к проявлению «русского духа» в РОА (вероятно, готовясь расстрелять всех их напоследок).

Еще один участник «движения», некий Н. С., так живописует:

> «Кто присутствовал в начале февраля (1945 года) на параде около города Мюнзингена, когда впервые А. А. Власов смотрел Первую дивизию РОА, тот помнит ... несмолкаемое «ура» и медленно поднимающийся — у трибуны, с которой говорил А. А. Власов — под звуки ... «Коль славен наш Господь в Сионе» Национальный Русский трехцветный флаг. Заметьте, не Андреевский». («Часовой», № 291).

Знакомая картина царских времен ...

Конечно, допущение флага Российской монархии, эмблемы «единой и неделимой» России, является для наци большой уступкой. Нам же интересно отметить, что в тот единственный раз, когда Власов демонстрировал национальную Россию, он выбрал для этого эмблему царской монархии, отдав ей предпочтение даже перед «своим» Андреевским флагом. А нас еще хотят уверить, что «власовское движение» было «продолжением Февраля» с его республиканско-демократическими принципами! . .

Итак, в феврале 1945 года был первый смотр Первой дивизии, но только 9 апреля был дан приказ вступить в действия, и дивизия выступила на фронт. Однако, как сообщает А. Осипов, «видя бессмысленность дневной аттаки сильных укреплений противника ... командир дивизии приказал оттянуть части на исходный рубеж». И дивизия ... ушла с фронта. Наступил разрыв. На этом, собственно, неудачный «роман» Власова с Гитлером и кончился.

В чем же заключалось отличие этих последних пяти месяцев от первых 25-ти?

Цитированный нами много раз «редактор» пишет: «Смоленская декларация предназначалась для руководства РОД ... Вся акция была задумана немцами, как пропагандный трюк. Никакого комитета в Смоленске не существовало». Хорошо.

Спустя два года вышла новая — пражская — программа. Она тоже предназначалась для руководства РОД, и эта акция, как мы знаем из прилагаемого документа (№ 7), тоже была

была задумана немцами, как пропагандный трюк, вернее сказать, дело вернулось к тому исходному трюку, как он был вначале задуман и разработан Геббельсом. Что же изменилось политически или принципиально? Как будто ничего.

«Редактор» пишет:

> «Надо было, чтобы плата немцам за «освобождение» не затронула национальных интересов России. Какие гарантии были у нас для этого? Никаких. Напротив, каждый день все больше приносил доказательства тому, что война ведется не против большевизма, а против России, не за политические идеи, а за украинский хлеб. Не было секретом для нас и то, что все движение задумано как пропагандный трюк и что превратить его в настоящее движение, вероятно, и не удастся осуществить. Было ясно, что немцы, давая нам известные возможности, не задумаются немедленно физически уничтожить нас, коль скоро убедятся, что наша деятельность не приносит им пользы. При любых условиях этот момент рано или поздно должен наступить» . . .
>
> «Читатель может поставить вопрос о том, что вся наша деятельность была сплошным обманом и провокацией. Мы писали об РОД и РОА, зная, что все — миф, и ни того, ни другого не существует» . . .

Увы, на этот вопрос ясного ответа получить невозможно. Доктор Н. в свою очередь пишет:

> «Манифест КОНР был подписан на закрытом заседании Комитета 10 сентября 1944 года, и в этот же день мы узнали, что Власов был принят Гимлером. Это была первая неожиданность, ибо имя Гимлера, шефа Гестапо и войск СС, было в особенности ненавистно беженцам с Востока. Однако, мы не придавали этому особого значения — в конце концов, не все ли равно, кто из одинаково-скомпрометированных деятелей нацистской Германии будет «шефом» КОНР?» Затем, «нам выдали удостоверения члена Комитета . . . Мы были снова неприятно изумлены, увидев, что здесь вместо штампа Комитета были штамп «Русского Отдела СС» и внизу стояла подпись не Власова, а какого-то Гюнтера. Немногие из нас могли себе даже представить, что **мы, каким то непонятным путем, оказались чуть ли не на работе СС. Но что делать, пути отступления не было»**. (Курсив мой. Б. Д.).

Вот здесь то, как нам кажется, и лежит все об'яснение: начав свою авантюру, ни Власов, ни Малышкин, ни прочие

члены руководства, видимо, не отдавали себе ясного отчета в том, что они таким «непонятным путем» окажутся на работе в СС. Оказалось, как пишет д-р Н., что «все наши решения мы должны согласовать с соответственными комиссарами», и в первом же вопросе — об «облегчении положения наших... «остовцев». Так выглядели в реальности «предварительные условия», поставленные Власовым Гитлеру.

Несомненно, что все руководство РОД и весь КОНР отдавали себе ясный отчет в своей подлинной роли «подшефных» Гимлеру и Гестапо и в своем полном бессилии. Начальник Главного Гражданского Управления КОНР «бывший советский генерал Д. Е. Закутный стойко отказывался надеть военную форму». Значит, он чувствовал и сознавал все «неудобства» этой формы. «Много раз — пишет д-р Н. — в это время и я, и другие члены Комитета сомневались в правильности нашего решения войти в Комитет. Однако, как я уже сказал, все мосты были сожжены, выход отдельных единиц из Комитета положения не поправил бы»...

Конечно, этот выход был так же невозможен, как и самовольный выход из ВКП или МВД. Это вызвало бы простую «ликвидацию» на месте. Д-р Н. заканчивает:

> «Вся деятельность КОНР протекала по одной общей схеме: наши проекты — напор масс — противодействие немцев — наша борьба — рожки да ножки от наших благих намерений».

Увы, и в этом столь мало привлекательном варианте картина немилосердно приукрашена. Никакой «нашей борьбы» не было, если не считать «борьбой» челобитные Власова и КОНР перед истуканом — Гимлером. Но, хуже того, дело, ведь, не сводилось к тому, что кем-то были сделаны безобидные попытки «благих намерений», которые не увенчались успехом. В течение всего времени, с осени 1942 года «успех» был вполне определенный... у Гитлера-Гимлера-Геббельса. Роль «Освободительного Движения» была отнюдь не безобидной попыткой, оно было на деле активным вкладом в дело нацистской пропаганды, независимо от «благих намерений» участников его. Им пользовались для разложения русского тыла и фронта, для обмана красноармейцев и просто русских людей, им прикрывались все самые гнусные дела тех самых Гимлеров, которые являлись

«шефами» «Освободительного Движения Народов России». Таковы были дела, а не слова.

Таковы жестокие и упрямые факты. Знал ли Власов и иже с ним о том, что война ведется не против большевизма, а против России? Знали ли они о том, что происходит систематическое истребление немцами цвета русской нации — ее молодежи? Знали ли они, что русские люди превращены в подневольных рабов и их третируют, как «унтерменшей»?

Да, все это было им, безусловно, хошо известно. Почему же они стали прислужниками наци? Почему они явились гарантами за Гитлера? Были ли они последователями наци? Мы этого не думаем. Ставили ли они высоко Германию и готовы ли были принять «новый порядок» Гитлера, т. е. фактически гитлеровщину? По всей видимости — да. Уже в своей второй прокламации от сентября 1942 года, в которой излагалась «программа» Власова (см. прилож. № 4), Власов ТРИЖДЫ восхваливает и манит созданием в будущей России **«нового порядка».** Содержание его он предпочел не раскрывать.

Однако, мне думается, что и не это было пафосом власовской «акции». «Движение» это было беспринципно по лучшим образцам «ленинизма-сталинизма». Я думаю, что если бы на место Гитлера были бы англо-американские «плутократии», то Власов и иже с ним предложили бы им свои услуги в том же порядке, как и Гитлеру, и с тем же «энтузиазмом», ибо основным руководящим правилом их было большевистское: «цель оправдывает средства». Манившая же их впереди цель была — власть . . .

Как можно об'яснить эту «акцию» и на что она была расчитана?

Власов впервые выступил в сентябре 1942 года, когда происходила решающая битва у Сталинграда. Власов, Малышкин и др. могли тогда, находясь в плену, еще высоко ценить шансы и звезду Гитлера. Может быть, Власов готовил в своем лице второго Петэна? (Петэн никогда не надевал немецкой формы и не воевал на стороне Гитлера). Может быть, он думал, что борьба России безнадежна, что победа Гитлера обеспечена и надо пойти на «новый порядок», чтобы спасти хоть что нибудь? Может быть, они не разглядели гитлеризма во всей полноте или думали как то «перехитрить» зверя?

Тот, кто хочет выступить в защиту «власовского движения» и ищет «смягчающих вину обстоятельств», должен именно к этому аппелировать, к абсолютному непониманию того, что «власовцы» творили, к их полному политическому невежеству, к той их поразительной политической слепоте, которая может развиться только в царстве долгой политической ночи. Тот, кто хочет выступить в защиту Власова и его РОД, тот может еще аппелировать к тому политическому воспитанию, которое Власов получил в рядах ВКП(б), в которой он вырос, и которое основано прежде всего на полной неразборчивости в средствах. В этом отношении Власов только пошел по стопам Ленина, так сказать, по «заветам Ильича», который свое восхождение к власти тоже начал в сотрудничестве с предтечей Гитлера — Людендорфом.

К сожалению, однако, и это об'яснение не выдерживает нормальной критики, ибо к моменту, когда был образован «настоящий» Комитет в лице КОНР и выпущен был «Пражский манифест» в ноябре 1944 года, шансы и звезда Гитлера пали уже очень низко. Как сами «власовцы» уверяют, никто тогда на победу Гитлера и не расчитывал. Так зачем же они вновь связывали себя с этим смердящим трупом? Или это следует об'яснить тем, что ничего нового, никакой «новой акции» в ноябре 1944 года не было, а при новой словесности продолжалась прежняя мистификация? Но в таком случае они, как плохие актеры, «переиграли» свою роль.

С потрясающей наивностью д-р Н. об'ясняет провал Конровской «акции» тем, что «как мы узнали позже, в это время взяла верх линия Розенберга, согласно которой Комитету нельзя было давать ходу. Более либеральная линия Риббентропа потерпела поражение». Читая это, воображению рисуется борьба «либерала» Риббентропа и реакционера Розенберга, что уже само по себе до крайности наивно. Но надо же вспомнить, что речь идет о 1945 годе, когда оба они уже знали, что им уготовлена одна и та же «линия» — виселица. Предел наивности!..

Ссылка на то, что Власов и его Комитет ставили ставку на какую-то борьбу внутри Рейха встречается нередко. То речь идет о ставке на борьбу между Вермахтом и нацистской партией, то между Розенбергом и Геббельсом, а сейчас, как мы

видели, и Риббентропом. Все это — сплошное недоразумение: никаких «двух линий» политики не было, а была всегда **одна политика при двух тактиках. Политика была — «лебенсраум».**

Вермахт, вообще, не делал политики, и Гитлер ему не доверял. Идея фиктивного политического движения была разработана Геббельсом. Розенберг с самого начала считал, что нечего германскому «сверхчеловеку» считаться с этими «унтерменшами», а потому игра Геббельса не нужна. Победы первых месяцев как будто доказывали, что Розенберг прав, и Геббельс поспешил с ним солидаризоваться. Когда же военное счастье Гитлеру изменило, то Геббельс вернулся к своей идее «освобождения народов России» и «братства по оружию».

Это были две тактики, вернее две формы одного и того жо обмана, политическая же цель похода была одна неизменна: захват территории и уничтожение населения.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Власовцы» и их защитники продолжают и по сей час трактовать прошлую «акцию» как «Освободительное Движение». Но всякое движение, каким бы оно ни было, должно иметь свою идеологию, должно представлять собою нечто цельное в представлении как самих его участников, так и окружения. Оно не может свестись только к упрощенному: «долой Сталина».

Какова же была идеология «власовства» и его «движения»?

За прошедшие годы «власовцы» разбились на ряд ветвей, ныне весьма усердно между собою враждующих и друг другу отказывающих в праве на «власовское наследство». Все они заявляют себя истыми демократами и при этом одни настаивают, что политической традицией «власовства» является идея демократической республики, другие настаивают на монархии, а третьи на политическом непредрешенстве. И при этом все они — и САФ, и АЦОДНР, и СБОНР — отстаивают моральную чистоту, политическую дальновидность и тактическую непогрешимость прошлой «акции». Каждая из этих организаций, выбирая по своему вкусу отдельные фразы из речей, писаний или «Манифеста» Власова и дополняя ее личными воспоминаниями и трактованиями, настаивают на том, что именно она

является хранительницей верности прошлому, именно она выражает сущность «власовской идеи» и именно она поэтому вправе претендовать на «власовское наследство».

Нас этот «спор славян между собой» не интересует, но на основании приводимых нами здесь **неоспоримых документов** мы можем утверждать, что никакой хоть сколько нибудь цельной идеологии у этого «движения» не было, да и быть не могло, ибо зачато оно было Геббельсом, а взрощено под «шефским» крылом Гимлера.

Нам часто об'ясняют, почему советская молодежь шла во власовские отряды, и при этом делаются глубокие политико-психологические изыскания. Как бы сами по себе интересны они не были, нам кажется, что можно довольно легко расшифровать это явление. Мы, ведь, знаем, что еще до появления Власова в рядах германской армии уже находились в том или ином качестве сотни тысяч пленных красно-армейцев. Ведь и Жиленков служил немцам еще до Власова. Мы знаем теперь совершенно точно, что гнало эти массы в немецкую армию, и для этого никакой ученый «экскурс» не нужен. В тех нечеловеческих условиях, в которых они находились в лагерях, это был единственный путь спасения живота своего. Этих людей трудно судить, но здесь никакой «идеологии» искать не приходится. Можно еще допустить, что зеленая молодежь, пришедшая прямо из Комсомола и привыкшая почитать авторитеты и преклоняться перед силой, всегда препочитала «прямое действие» идеологическим исканиям. Но те, кто были «идеологами» этого «движения» несут за него ответственность, политическую и моральную и, претендуя на рудоводство народным движением, обязаны были иметь и выявить идеологию этого движения.

Однако, сколько бы мы не старались вылущить из приведенных документов идеологическое лицо этого «движения» — это положительно невозможно. Еще меньше это возможно на основе того, что пишут сами «власовцы», не приводя ни одного документа, кроме «Манифеста». И мы думаем, что все это потому, что на самом деле никакой хоть сколько нибудь ясной и цельной идеологии у этого «движения» не было, да и не могло быть, а уж демократизма этого «движения» и подавно не сыскать. Сотрудничая так тесно с Гитлером и целиком от

него завися, РОД могло иметь разве только одну идеологию — нацистскую, ибо другая разрешена не была. Мы знаем, что до сентября 1944 года «унтерменшам» было запрещено организовывать даже нацистскую партию. В таких условиях, о выработке какой «идеологии» можно говорить? На деле был конгломерат людей всех цветов политической радуги, об'единенных ненавистью к Сталину и его режиму и стремившихся путем самого широкого «приспсобленчества» добиться влияния и власти. Была азартная игра, в основе которой лежал — с обеих сторон — обман и притворство. Но в этой игре крапленными картами выигрывал все таки Гитлер, как неизмеримо более сильный. Власов же и иже с ним, связавшись со стаей Геббельса-Гимлера, уже не могли освободиться из их когтей. Они стали безвольным пешками в их руках, их роль свелась к роли простой наживки, при помощи которой выуживали из советского фронта необходимую «рабсилу» и которую использовали по своему желанию и усмотрению. От имени Власова и РОД звали красноармейцев перебегать к немцам, якобы с целью «освободить Россию» в «братстве по оружию», из них составляли русские батальоны с наклейкой РОА, а потом их посылали во Францию, Италию, Грецию и т. д. сражаться против сил «сопротивления» или против англо-американцев. Согласия Власова или РОД на это не спрашивали, но своим молчанием они покрывали это, фикцией существования «Русского Освободительного Движения» служили прикрытием этому обману. **От начала до конца это было ничем иным, как безответственной и неумной авантюрой с одной стороны и хорошо продуманным пропагандным трюком — с другой.** К тому-же, «трюкачи» были вооружены всей технической и материальной силой, а авантюристы — голыми руками при пустом желудке. Результат был предрешен.

31-го октября 1939 года Предсовнаркома Молотов заявил: «Теперешняя война для уничтожения гитлеризма не только бессмысленна, но и преступна». («Правда» от 1.IX.1939 г.). В течение 22-х месяцев сталино-молотовские пропагандистты усиленно внедряли эту «высокую мораль» в сознание русских людей, и, видимо, кой у кого это крепко засело.

Подводя итоги своей работе Геббельс в своем обзоре (см. приложение № 8) говорит от имени своей «правой руки»

— доктора Тауберта, чо «власовское движение» — это жидкая настойка из либеральной и большевистской идеологии» и что оно «имеет сильные англофильские симпатии и играет с идеей возможной перемены курса». Мы вынуждены признаться, что нам трудно себе представить, как может выглядеть смесь либерализма и большевизма, и эту философию мы оставим без исследования. Но мы должны отметить, что писалось это Геббельсом **в 1945 году,** когда «англофильские симпатии» начали проявлять не только Власов и Вермахт, но и многие наци, а «верный Генрих» — Гимлер свою игру о «перемене курса» повел так далеко, что предпринял практические шаги в этом направлении за спиною своего «Фюрера».

Что же касается Власова, то беспринципность его, разумеется, повелевала ему попробовать «переменить курс», вернее пересесть на прочный корабль с того, который идет ко дну.

Опыт, печальный и страшный, этого «власовского движения» должен быть, конечно, учтен. Его должен знать каждый русский человек. Знать его надо не только по устным рассказам участников, которые, разумеется, суб'ективны, а прежде всего по неоспоримым документам, дополненным письменными показаниями видных участников. Все это — в поучение для будущего. Что же касается настоящего, то чем скорее бывшие «власовцы» поймут, что необходимо освободиться от пут прошлого и от всего «власовского наследства», тем лучше будет и для них, и для той борьбы со сталинской тиранией, задачи которой они себе ставили в прошлом, ставят и сейчас.

Груз этого прошлого очень тяжел и если бывшие «власовцы» непременно захотят таскать его за собою и в будущем, то они в конце концов падут под его тяжестью. Для торжества подлинного Русского Освободительного Движения им надо освободиться от того, что в прошлом только носило это имя, а на деле было пропагандным трюком Геббельса.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. «Некоторые мысли об отношении к чужим народам на Востоке», Гимлера.

№ 2. Первое воззвание ген. Власова от 10 сентября 1942 года.

№ 3. Прокламация Вермахта от сентября 1942 года.

№ 4. Второе воззвание Власова от сентября 1942 года с программой.

№ 5. Протокол совещания Гитлера с Кайтелем и др. от 8-го июня 1943 года.

№ 6. «Записка советского офицера» от 19 сентября 1944 года.

№ 7. Сообщение д-ра Тауберта из министерства пропаганды от 22 сентября 1944 года.

№ 8. «Обзор деятельности отдела «Антибольшевизм» рейхминистериума для пропагганды» Геббельса (последняя глава).

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.

Выдержки из приложения № 1 были мною приведены в моей статье «Радетели Украины», в журнале «Социалистический Вестник», № 3 за 1950 год.

Приложение № 5 было мною в большей своей частти опубликовано в моих статьях «По архивным следам» в журнале «Социалистический Вестник», №№ 11 и 12 за 1949 год.

Приложение № 7 опубликовано мною в статье «Выпрямление линии» в журнале «Социалистический Вестник», № 6 за 1950 год.

Приложение №№ 2, 3, 4, 6 и 8 печатаются впервые. Оригиналы этих документов находятся в Нью Иорке, в архиве «YIWO» и печатаются с любезного разрешения Правления.

Приложение № 1

Geheime Reichssache

Einige Gedanken über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten.

Bei der Behandlung der Fremdvölkischen im Osten müssen wir darauf sehen, so viel wie möglich einzelne Völkerschaften anzuerkennen und zu pflegen, also neben den Polen und Juden die Ukrainer, die Weissrussen, die Goralen, die Lemken und die Kaschuben. Wenn sonst noch irgendwo Volkssplitter zu finden sind, auch diese.

Ich will damit sagen, dass wir nicht nur das grösste Interesse daran haben, die Bevölkerung des Ostens nicht zu einen, sondern im Gegenteil in möglichst viele Teile und Splitter zu zergliedern.

Aber auch innerhalb der Völkerschaften selbst haben wir nicht das Interesse, diese zu Einheit und Grösse zu führen, ihnen vielleich allmählich Nationalbewusstsein und nationale Kultur beizubringen, sondern sie in unzählige kleine Splitter und Partikel aufzulösen.

Die Angehörigen aller dieser Völkerschaften, insbesondere der kleinen, wollen wir selbstverständlich in den Stellen von Polizeibeamten und Bürgermeistern verwenden.

Spitzen in solchen Völkerschaften dürfen nur die Bürgermeister und die örtlichen Polizeibehörden sein; bei den Goralen die einzelnen,

-2-

Приложение № 1

Секретный Государственный Декумент.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЧУЖИМ НАРОДАМ НА ВОСТОКЕ

В нашем отношении к чужим народам на Востоке мы стремимся признать как можно большее количество народностй: наряду с поляками и евреями-украинцев, белорусов, гоpалей, лемков и кашутов. Если бы нашлись еще какие нибудь осколки народностей, то следовало бы признать и их.

Этим я хочу подчеркнуть, что мы самым кровным образом заинтересованы не только в том, чтобы не об'единять население Востока, но, наоборот, в том, чтобы расчленить их на возможно большее число частей.

Но и внутри каждой народности мы не заинтересованы в том, чтобы сохранить, ее как целое или внедрить в них национальное сознание и национальную культуру, а наоборот нам надо стараться расчленить их и держать разрозненными в бесчисленном количестве осколков.

Само собой, мы используем членов этих народностей, в особенности мелких, в качестве бургомистров и полицейских. Только эти бургомистры и местные полицейские могут возглавлять их. В отдельных частях горалей уже имеются их вожди и старосты. Никакие об'единения в большие единицы недопустимы, так как только таким путем мы будем в состоянии произвести рассовую проверку этого конгломерата народов, состоящего из 15 миллионов человек в генералгубернаторстве и 8-ми миллионов в других восточных провинциях.

Нашей основной задачей является выудить из этого котла рассово-полноценные элементы, чтобы их отправить в Германию и там их ассимилировать.

Я представляю себе, что в течение немногих лет, примерно в течение 4-5 лет, понятие кашубов исчезнет, ибо к этому времени кашубского народа больше не будет. Понятие еврейства я надеюсь вытравить путем массового выселения всех евреев

в Африку или в другую колонию. Несколько больше времени пройдет, прежде чем исчезнут в наших краях представления о таких народах, как украинцы, горали и лемки.

Сказанное об этих осколках народностей относится в общем и к полякам.

Основным вопросом при разрешении этой проблемы является школьный вопрос и тем самым вопрос о выявлении и просеивания молодежи. Для негерманского населения Востока разрешается иметь только четырехклассную народную школу. Целью ее является: научить считать не больше, чем до 500, подписывать свое имя и внедрить в сознание, что заветом бога является послушание немцам, прилежание и честность. Чтение я считаю лишним. Кроме такой школы, никакой другой на Востоке, вообще, быть не должно. Родители, которые пожелают дать своим детям лучшее образование как в народной школе или затем в школе более высокой ступени, должны подать об этом прошение начальнику СС или полиции. Это прошение будет разрешено прежде всего по признаку, является ли ребенок расово-чистым и отвечающим нашим требованиям. Если мы признаем, что этот ребенок по своей крови — наш, то родителям об'является, что их ребенок будет проходить школу в Германии и останется надолго там.

Как не покажется в отдельных случаях эта мера жестока и трагична, эта система, если отбросить большевистскую систему физического уничтожения целых народностей, по нашему убеждению негерманскую и следовательно для нас неприемлемую, все же остается наиболее мягкой и лучшей.

Родители этих детей хорошей крови следует поставить перед выбором: или отдать ребенка (они, вероятно, откажутся в дальнейшем от деторождения и таким образом исчезнет угроза, что эти унтерменши Востока найдут впоследствии для себя руководство людей хорошей крови и вновь представят для нас опасность) или же сами родители должны будут переехать в Германию и стать ее лояльными гражданами. То сильное средство, которым мы располагаем в данном случае — это их любовь к их ребенку, вся будущность которого зависит от лояльности редителей.

Независимо от проверки того прошения, которое родители подадут относительно образования их ребенка, в генерал-

губернаторстве будут также организованы ежегодные проверки всех детей от 6 до 10 лет, чтобы отделить полноценных по крови от неполноценных. К выуженным таким путем полноценным будет установлено то же самое отношение как и к тем, которые приняты нами на основе прошения родителей.

Я считаю само собой понятным, что эти дети и их родители в момент, когда они прибудут в Германию и в школе, и в жизни будут приняты не как чужаки, а им будет оказано, после изменения их имени, полное внимание и доверие и они вростут в нашу жизнь. Нельзя допустить, чтобы эти дети чувствовали себя отвергнутыми, так как мы, ведь, верим, что они нашей крови и только из за ошибок германской истории оказались среди чужих народов. Мы верим, что они убедятся в том, что наше мировоззрение и наши идеалы получают отзвук в единорасовой душе этих детей. Но здесь должна быть проведена ясная черта, вопрос должен быть ясно поставлен перед учителями и руководителями Гитлер-югенда, и никогда больше не должны повторяться ошибки, допущенные в прошлом в Эльзас-Лотарингии, что с одной стороны мы хотим привлечь к нам этих людей, как немцев, а с другой их при каждом случае ругали, поносили и оскорбляли в их человеческом достоинстве, в их гордости и чувстве чести и этим от себя отталкивали.

Ругательства их, как «поляк», «украинец» и т. п. не должны быть допущены.

Воспитание этих детей происходит в народной школе и после первых 4-х классов надо будет решить, разрешить ли им и дальше посещать школу или их следует отдать в национал-политическое воспитательное учреждение.

После последовательного проведения этих мер в течение ближайших 10 лет, население генерал-губернаторства неизбежно будет состоять из остатков неполноценного населения, из отвергнутых частей населения восточных провинций и всего Германского Рейха, которые по своим расовым и человеческим признакам сюда подходят.

Это население будет никем не руководимым рабочим людом и будет ежегодно поставлять Германии нужное количество кочующих рабочих: каменьщиков, строительных рабочих, строителей дорог. При этом они будут лучше питаться и жить, чем при власти поляков и в условиях отсутствия собственной

культуры, они — под строгим, последовательным и справедливым руководством германского народа — могут быть призваны принять участие в вечном культурном творчестве и строительстве Германии, и своей тяжелой и суровой работой способствовать этому строительству, а то и сделать его возможным.

К приложениям № № 2, 3, и 4

ПЕРЕВОД.

Рига, 25 января 1943 г.

D.R.K. d.o.
Abt. I PROP. 2 H-B 1/DO

Первому политическому отделу

Здесь.

Предмет: Активная пропаганда. Материалы Верховного Командования Вермахта. Верм. Проп.

Посылаю Вам при сем с просьбой ознакомиться имеющиеся у меня печатные материалы на русском языке, частью же только в немецком переводе. Эти активные пропагандные материалы получены мною во время недавнего совещания в Рейхсминистерстве оккупированных областей на Востоке от уполномоченного Верховного командования Вермахта. Эти прокламации распространяются сейчас на восточном фронте в больших количествах.

Перевод прокламации 482/AB/IX.42, которая составлена в форме 13 пунктов, и является основой будущего устройства России, представит для вас особый интерес.

Приложения. По уполномочию

(подпись)

. . . .

Второму политическому Отделу.

Предмет: Активная пропаганда. Материалы Верховного командования Вермахта. Верм. Проп.

К сведению референтов 2-го Политич. Отдела.

Г-ну Лютеру	**Г-ну Бухгольцу**	**Д-ру Ленцу**	**Д-ру Штейнмге**
Подпись	Подпись	Подпись	Подпись

29.1.43

Приложение № 2

Товарищи командиры!

Товарищи советские интеллигенты!

Я, нижеподписавшийся, ген.-лейт. А. А. Власов, бывший командующий второй ударной армией и заместитель главнокомандующего Волховским фронтом, являюсь сегодня военнопленным № 16901 и нахожусь в Германии.

В Красной армии я поднялся от стрелка до командарма. Я был командиром 9-й Стрелковой дивизии, которая по своей подготовке занимала первое место в Красной армии. Во время войны я командовал 37-й армией. Свыше двух месяцев я защищал Киев.

После разгрома Юго-Западного фронта я, согласно приказу Сталина, с боями пробился из окружения. Под моей командой 20-я армия защищала Москву в труднейших условиях, и, перейдя в контр-наступление, взяла Солнечногорск и Волоколамск. Наконец, я, командуя 2-й ударной армией, находясь в окружении, продолжал борьбу до крайней возможности. Продолжая драться, я попал в плен.

Перед лицом безмерных страданий нашего народа в этой войне и тяжело страдая от наших военных неудач, передо мною стал естественный вопрос:

Кто несет за это вину?

Если оглянуться на последние 12-15 предвоенных лет, поневоле приходишь к выводу: во всем этом несчастьи повинна только сталинская клика. Она разрушила страну своей колхозной системой. Она уничтожила миллионы честных людей. Она убила в 1937-1938 годах лучший костяк армии. Широко развивая низкопоклонство и сея недоверие, при помощи лживого воспитания и образования, она растерзала народ и армию. Каждая живая мысль в народе была задушена. Это сталинская клика ввергла страну своей авантюрной политикой в ненужную и бессмысленную войну за чуждые ей интересы. Теперь, после того, как она потеряла поддержку масс, она ведет страну к поражению. Она разрушила аппарат управления и раззорила

хозяйство. Германские армии, после взятия Крыма и уничтожения Юго-Западного фронта, вышли к Волге и, не встречая серьезного сопротивления, заняли Северный Кавказ. Бойцы, не желая больше драться за чужие интересы, бросают оружие и снаряжение и сдаются в плен.

Сталинская клика не в состоянии организовать дальнейшую защиту страны. Не видя перед собою исхода, она пытается только удержаться у власти. Гибель миллионов людей и уничтожение столетиями накопленного народного состояния — такова цена этого управления. Непревывно пускаются в бой все новые, наспех сколоченные, не подготовленные и без всякого плана, боевые комплекты.

Положение офицеров на фронте безнадежно. Сталинская клика подсовывает им вину за неудачи. При этом офицер связан в своих действиях комиссаром, политотделом и НКВД, которые ровно ничего в военных делах не понимают. Очень часто честные люди — офицеры, инженеры, врачи, ученые — не видя выхода из положения, прибегают к самоубийству.

На родине полный хаос и все растущая небывалая разруха.

Многие миллионы погибают от голода, прежде всего — ваши семьи, которые оставляются правительством и местной властью почти без всякой помощи.

Сталинская клика сильно надеется на помощь Англии и Америки и на открытие второго фронта. Большинство из вас хорошо знает, что политика Англии и Америки — это драться до последнего русского солдата и их руками таскать каштаны из огня, измотать Германию при помощи русских, за все это обещая русским открыть мифический второй фронт.

Обернитесь назад и взгляните на историю. Это не в первый раз, когда русский народ проливает свою кровь за англо-американские интересы.

Лживая пропаганда хочет запугать вас рассказами о фашизме, расстрелах и жестокостях в немецком плену. Она распространяет сведения о голоде и об исчерпании германских резервов. Миллионы пленных могут засвидетельствовать прямо противоположное. Они воспринимают Германию так, какой она является в действительности, где война вовсе не ощущается,

где каждый солдат может по меньшей мере дважды провести свой отпуск в своей семье.

О немецкой культуре, организации и дисциплине не стоит говорить — это давно всем известно.

Где же выход из этого тупика, в который сталинская клика завела нашу страну? Есть только один выход, другого история не дает. Кто любит свою родину, кто хочет счастья для своего народа — тот должен всеми силами и всеми средствами включиться в дело свержения всем ненавистного сталинского режима, тот должен способствовать созданию нового анти-сталинского провительства, тот должен бороться за окончание преступной войны, ведущейся в интересах Англии и Америки, за честный мир с Германией.

Лучшие люди страны, как находящиеся в местах, еще остающихся в руках Сталина, так и находящиеся в плену, думают, а частично и работают уже, в этом направлении.

Дело теперь за вами.

Быв. командир 2-й ударной армии Красн. Армии

ген.-лейт. ВЛАСОВ.

10 сентября 1942 г.

Винница.

Примечание. Эта первая прокламация Власова зарегистрирована была Вермахтом под № 480/PAB/IX/42. Вермахт дает ей следующую характеристику:

«Прокламация, изданная бывшим командующим 2-ой советской ударной армии и лично им подписанная в чрезвычайно убедительной форме доказывает вину Сталина за эту войну и призывает всех патриотов содействовать всеми силами свержению ненавистного сталинского режима. Выдержки из прокламаций 480/81/82/IX/42 очень подходят для сбрасывания и в тылу».

Приложение № 3

Русские солдаты!

Офицеры и политработники Красной Армии!

Двадцать лет большевизм не признавал русского народа. Имя «Россия» было вычеркнуто. У русского народа забрали отечество. Сталин поработил и ограбил крестьянство и загнал его в колхозы. Русских рабочих он превратил в бесправных рабов и обрек на нищету. Он всех вас лишил богатств вашей страны, чтобы создать неслыханное вооружение для мировой революции.

Когда же он приготовился к нападению на Европу с помощью еврейско-английских капиталистов, то он открыл, что воевать он может только с помощью русского народа. Поэтому, интернационалист Сталин и его еврейские журналисты вновь заговорили о «России», «отечестве», «Родине». Он сумел при помощи новой лжи использовать ваше чувство Родины для пользы мировой революции. Его пропаганда ежедневно трубит вам в уши, что Германия стремится навсегда покорить Россию, а народы Советского Союза превратить в рабов. Сталин врет вам, когда рассказывает самые плохие вещи о немцах. При помощи этой лжи он хочет побудить вас к крайней обороне.

Какова же правда?

Правда в том, что во всех областях, занятых немецкими войсками или вошедших под управление Германии народ добровольно взялся за восстановление страны.

Правда в том, что германское правительство распустило колхозы и заменило их новым аграрным порядком. Оно удвоило наделы земли, и оно уже сегодня разрешает частное землепользование, несмотря на все технические разрушения. На тысячах собраний русские, белорусские и украинские крестьяне выразили ему свою благодарность и со всем прилежанием обрабатывают свои поля.

Правда в том, что каждый желающий работать обладает полной для этого свободой.

Правда в том, что после 25 лет бесправия и террора в освобожденных от большевизма областях, заложены основы нового порядка, и что после ликвидации еврейско-большевистской сталинской диктатуры русский народ будет в состоянии мирно и свободно трудиться.

Правда в том, что немцы хорошо с военно-пленными обращаются и что перебежчикам гарантируются особые привилегии.

Правда в том, что при громадном количестве пленных и имея в виду неожиданно суровую зиму, которая была так тяжела **для всех,** некоторые лагеря пленных не могли получить обычных в Германии забот. Из-за этой суровой зимы, которая была связана с потерями **для всех,** пострадала также и часть военно-пленных. Как вы все уже знаете, сейчас все это уже позади.

Правда в том, что сегодня сотни тысяч ваших товарищей заявили германскому командованию о том, что они находятся в его распоряжении и помогают бороться против кровавого большевизма, как и крестьяне, которые ловят и уничтожают организованные сталинские банды.

Правда в том, что национал-социалистическая Германия, которая ведет сегодня борьбу против связанного с мировым капиталом Сталина, знает, как такая пропаганда ввела в смятение умы.

Правда в том, что об'явлена амнистия всем членам коммунистической партии, поскольку они не совершили преступлений против народа. Уже сегодня с нами работают бывшие коммунисты, которые успели познакомиться с германским управлением, и которые частично об'ездили Германию. Они установили, до чего они в эти 20 лет были обмануты Сталиным; они установили, что Германия процветает и сильна, как никогда раньше.

Правда в том, что у вас найдутся люди, которые после падения Сталина смогут работать для самих себя и в интересах своей родины вместо того, чтобы продолжать разоряться при Сталине.

Правда в том, что с нами, т. е. с германским Вермахтом, за новый правопорядок работают не старые царские реакционеры и помещики, как врет Сталин, а — крестьяне, рабочие и

ваши собственные солдаты и командиры и политработники, которые перешли к нам в сознании, что именно этим они лучше всего служат своему отечеству.

Солдаты, офицеры, политработники Красной Армии!

Воспользуйтесь сейчас этой решающей возможностью, присоединитесь и вы к ним.

Сталинские армии разбиты на всем фронте, весь Дон занят немцами, германские панцырные армии и их союзники заняли уже и далекие области Северного Кавказа и двигаются дальше на Юг. Судьба Сталинграда решена. **Англичане и американцы** обманули вас своими обещаниями помощи. Германский подводный флот беспрестанно топит американские и английские транспорты, которые должны доставить на Север к вам помощь. Большевистская мировая революция лопнула, продолжение войны ведет только к дальнейшему разрушению вашей страны. Сотни городов разрушены, ибо Сталин приказал их разрушить.

Прекратите это безумие. Германия пойдет вместе с вами, чтобы еврейско-большевистский мировой обман исчез навсегда из вашей страны и из всех стран Европы и таким путем наступит **постоянный мир для всех.**

(Эта прокламация может быть использована также в качестве пропуска для солдат, офицеров и политработников Красной Армии).

Примечание. Эта прокламация Вермахта зарегистрирована под № 481/PAB/IX/42. Вермахт дает ей следующую характеристику: «Прокламация указывает путь для сотрудничества с национал-социалистической Германией, и таким путем рассеивает опасения русских, что Германия хочет их поработить. Выдержки («мишунг») из прокламаций 480/81/82 хороши для сбрасывания в тылу».

Приложение № 4

Товарища! Солдаты!

Офицеры и политработники Красной Армии!

Два вопроса вас занимают, два вопроса часто обсуждаются вами: имеются ли в Советском Союзе люди, способные управлять страной после свержения Сталина? Что с вами станет после окончания войны?

Советская пропаганда под руководством еврея Лозовского не допускает и мысли что «великий и мудрый Сталин» может быть кем нибудь заменен. Посему Сталин требует от вас, чтобы вы шли за него на смерть.

Права ли советская пропаганда?

На вопрос о будущем России советская пропаганда бесконечно повторяет всем вам хорошо известные басни, будто Германия хочет поработить русский народ.

Что вам, вообще, известно о Германии?

Ежедневно вы слышите самые ужасные рассказы ваших пропагандистов о Германии. Мы, перебежавшие к немцам или попавшие к ним в плен солдаты, офицеры и политработники Красной Армии, имели возможность убедиться в том, что все эти рассказы являются бесстыдной ложью. Мы имели возможность узнать Германию. Многие из нас были в немецких деревнях, на немецких фабриках и в немецких мастерских. Ложь сталинской пропаганды для нас совершенно ясна. Германия избегла ужасов большевизма, и Адольф Гитлер сумел построить государство без нужды и террора. Мы же с вами должны были вынести 20 лет террора и нужды. Сила германского народа, его полное согласие в борьбе Германии против Англии, Франции, а сейчас и против Сталина, доказаны.

После того, как все это стало нам ясно, мы — ваши товарищи и друзья — решили об'единиться для того, чтобы создать в России новый порядок и обратиться к вам с воззванием, чтобы совместно с немецкой армией и ее многочисленными союзниками свергнуть режим Сталина, дабы спасти Россию от окончательной катастрофы.

Имеются ли люди, способные управлять страной?

Сталин утверждает, что нет никого, кто мог бы его заменить, но он ошибается. Есть много таких людей. Они находятся как в освобожденных областях, так и в еще советской. Если бы Сталин знал, кто из его ближайших сотрудников в большевистском руководстве уже сейчас готовится к тому, чтобы сесть на его место, то он побледнел бы. Сталин не только заменим, но его свержение является предварительным условием для возможности устроения новой жизни и свободы на нашей родине.

Мы, русские солдаты и офицеры. готовимся, чтобы вместе с вами создать лучшую жизнь, чем это сделал Сталин. Мы пока не называем вам своих имен, чтобы не выдать Сталину наших друзей и родных, которые пока еще для него досягаемы и чтобы не подвергнут их преследованиям НКВД. Но когда придет час освобождения вы услышите нас.

Что будет потом?

Наша будущность, будущность русского народа, лежит в значительной степени в наших руках. От вашего участия в ликвидации сталинского террора зависят наша свобода и усломия мира.

Невзирая на вызываемые войной трудности, Германия уже сейчас заложила основы нового порядка в освобожденных областях. Когда наступит мир, Германия поможет нам еще больше. Каждый народ займет тогда свое подобающее место в новом мире. Наше место зависит от размеров нашей и вашей активности в борьбе против Сталина.

Мы можем уже сегодня вам сообщить те мероприятия, которые должны быть приняты после свержения Сталина и которые частично уже проведены немцами в освобожденных областях:

1) Немедленное прекращение военных действий на всех фронтах.

2) Переход военной промышленности на изготовление необходимых предметов широкого потребления, прежде всего сельско-хозяйственных машин.

3) Восстановление свободы личности, уничтожение террора и ликвидация большевистского аппарата подавления.

4) Восстановление свободы религии.

5) Амнистия членам коммунистической партии и политического аппарата, поскольку они не виновны в преступлениях против народа.

6) Освобождение политических арестованных из концлагерей и тюрем.

7) Возвращение в родные места высланных, если они того пожелают.

8) Ликвидация коллективизации.

9) Планомерный переход к индивидуальному земледелию и к частному землевладению.

10) Восстановление ремесел и торговли.

11) Введение социальной справедливости и защита производителей от всякого рода эксплоатации.

12) Мирное строительство, без большевиков и капиталистов, в соответствии с духом русского народа.

13) Сотрудничество всех народов Европы для правильно организованного обмена товарами и для предотвращения преступной войны.

Русские офицеры, солдаты и политработники!

Эти вопросы являются сейчас предметом обсуждения миллионов ваших товарищей и земляков, освобожденных об большевизма. С нетерпением ожидают они конца войны и конца бессмысленного уничтожения. Если вы помешаете продожению войны, вы подготовите путь для мирного нового порядка и этим способствуете новому под'ему нашего народа и нашей родины.

Сентябрь 1942 г.

Примечание. Эта вторая прокламация Власова зарегистрирована Вермахтом под № 482/PAB/IX/42. Вермахт дает ей следующую характеристику:

«Прокламация поднимает дискуссию о возможности мира и этим парализует волю к сопротивлению Красной Армии. С этой целью выставляется программа в форме ряда пунктов, которые могут дать русским представление о будущем. Вместе с тем эта прокламация стремится вызвать неуверенность в поведении советского руководства».

Приложение № 5

O Fs OKW / WF 5+

11.W
248
208

(Q)

Mi Hz

Dr.Pe/Dt.

Besprechung

des Führers mit Generalfeldmarschall Keitel und General Zeitzler

am 8.6.1943
auf dem Berghof.

Qu 43
1063

Anwesend: Der Führer
Generalfeldmarschall Keitel
General Zeitzler
Generalleutnant Schmundt
Oberst Scherff

Beginn: 21.45 Uhr

Keitel: Für mich stellt sich vom Gesamtstandpunkt aus die Frage der Behandlung der Kriegsgefangenen, der Hilfswilligen und der landeseigenen Bataillone im Osten im Augenblick etwa wie folgt dar. General Zeitzler kann korrigieren, wenn das nicht stimmt. Die ganze Propaganda Wlassows, die er sozusagen aus sich heraus entwickelt hat, hat die Grundlage für die jetzige unter dem Deckwort "Silberstreifen" gelaufene Großpropaganda zum Überlaufen geboten; und zwar sind dort Flugblätter herausgegeben worden, die wir mit Reichsminister Rosenberg bzw. dem Ostminister damals abgestimmt haben. Sie sind Wort für Wort mit ihm besprochen, er hat sie gebilligt und genehmigt. Da hat Anfang Mai dann, ich möchte sagen, eine

BDC-OKW-1647 —

Приложение № 5

СОВЕЩАНИЕ

Фюрера с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цейцлером

8.6.1943 года.

в Бергхофе.

Присутствуют:

ФЮРЕР
Генерал-фельдмаршал КЕЙТЕЛЬ
Генерал ЦЕЙЦЛЕР
Генерал-лейтенант ШМУНДТ
Полковник ШЕРФ *)

Начало 21 ч. 45 м.

Кейтель: В общем и целом мне представляется в настоящее время вопрос об отношении к военно-пленным, «вольно-помогающим» (хильфсвиллиге) и к национальным батальонам на Востоке следующим образом. Если я в чем либо не прав, то ген. Цейцлер сможет поправить. Вся пропаганда Власова, которую он, так сказать, сам по себе развил, является базой для нынешней нашей широкой пропаганды, известной под именем «Зильберштрайфен» (Просвет) и приноровленной для перебежчиков. С этой целью выпущены листовки, которые мы согласовали с Рейхсминистром Розенбергом или с министерством Востока. Они были обсуждены с ними слово в слово, он их подтвердил и одобрил. И тогда, в начале мая, эта кампания пошла, я

---

*) Фельдмаршал Кейтель состоял при ставке Гитлера, возглавляя Верховное командование всеми вооруженными силами Германии. Повешен в Нюремберге.

Генерал Цейцлер — испытанный наци. Был начальником штаба при ген. Клейсте, командовавшем панцырными войсками на Юге России. Потом начальник Генерального штаба при ставке Гитлера.

Генерал Шмундт — главный ад'ютант Гитлера. Был убит при неудачном покушении на Гитлера 20 июля 1944 года.

Полковник Шерф — историограф второй мировой войны при ставке Гитлера.

бы сказал, полным ходом. Когда они перебегают, то их особенно хорошо принимают. Это — основа приказа № 13, который распространяется, как летучка.

Фюрер: Эту летучку я видел.

Кейтель: Приняты меры, чтобы перебежчики были помещены в особых лагерях и чтобы к ним было особо хорошее отношение:

Фюрер: Это вполне в порядке вещей.

Кейтель: Позже они могут записаться на различные роли. прежде всего, как нормальные рабочие, затем как «вольнопомогающие» (хильфсвиллиге) и, в третьих, в известных случаях, в национальные части.

Фюрер: Этого там нет.

Цейцлер: В летучке номер 13 этого нет.

Кейтель: Позже, в инструкции, это было сказано. Спустя известный срок они могут быть переведены. Это об'явил генерал, командующий восточными войсками («Остгенерал». **Б. Д.**), я справлялся об этом. Если после определенного периода испытания они себя оправдают, они могут заявить о своем желании быть использованными этим путем и, при определенных условиях, они допускаются как в число «хильфсвиллиге», так и в национальные части. Вся эта широкая пропаганда покоится на прокламациях, выпускаемых и подписанных национальными, или национально-русским комитетом. И вот, в этих листках, наряду с тем, что мы всегда говорим: вас будут хорошо кормить, к вам будут хорошо относиться, вам дадут работу, вы вернетесь на родину, германский Рейх в будущем не сохранит системы большевизма, не сохранит системы отнятия земли (у крестьян) и т. п.; наряду со всем этим там ясно сказано еще следующее: перебегайте к нам; когда вы перебежите, то вы сможете поступить в национальную русскую освободительную армию. Это действительно там сказано.

Фюрер: Эту листовку следовало бы мне раньше показать.

Кейтель: Это необходимо сейчас исправить. Это один из тех пунктов, которые, без сомнения, не являются для людей решающими, но он все же играл известную роль.

Фюрер: Не надо этого так трагически принимать. Из всего этого я вижу только одно, что является для меня решающим: необходимо избежать того, чтобы создалось ложное представление у нас самих. Надо различать между

пропагандой, которую мы делаем «там» и тем, что мы в конце концов сами делаем.

Кейтель: Что мы делаем в тылу нашего фронта.

Фюрер: И прежде всего, что мы сами думаем. Необходимо избежать того, чтобы в нашей среде, хотя в зародыше, укоренилось мнение, будто для нас возможно искать на этом пути компромиссного решения, вроде, скажем, того, что сделано в Восточной Азии, со «свободным» и «национальным» Китаем. В нашей среде имеются люди, которые мечтают о чем то в этом роде, но я должен при этом указать, что этот самый национальный Китай не дал до сих пор ни одного пригодного солдата.

Мы получили уже трагический урок во время 1-ой Мировой войны — я уже недавно указал на это — с поляками, где дело также началось сперва с как будто совсем безопасных польских легионов. Затем дело это внезапно весьма осложнилось. Одно должно быть нам ясно. Я всегда замечал, что есть очень немного людей, которые сохраняют ясную голову в часы кризиса, и не подаются каким либо фантазиям. Пословица, что утопающий хватается за соломинку, к сожалению, слишком верна, и она относится не только к утопающим, но ко всем людям, находящимся в опасности. Большая часть людей, находящихся в опасности, не видит больше вещи в их подлинном виде.

Я мог бы привести здесь доклады, полученные мною в свое время от Берндта в момент отступения, когда внезапно была потеряна реальная почва и заменена воображаемой. Это когда американцы или англичане высадились в Северной Африке: теперь, мол, наступил час, когда мы должны двинуться туда. Чистое безумие, против которого я тогда воспротивился, которое, однако, внезапно затуманило людей и, можно сказать, отняло у них спокойный и ясный разум. И таких людей у нас много.

В розенберговской лавочке таких людей сидит в изрядном количестве, но, к сожалению, они имеются и в армии. Это бывшие балтийские дворяне, или вообще балтийские немцы. Но имеются и бывшие украинские эмигранты, которые обжились в Германии и, к сожалению, частью даже стали германскими гражданами. Они, естественно, радостно приветствуют немецкую освободительную армию, но они видят не наши национально-обусловленные цели — в глубине их души они думают о своих собственных целях. Так это было в 1915/16 году. Когда в 1916 году разразился большой кризис — провал Вердена на Западе, битва на Сомме, прорыв Брусилова на Востоке, нападение Румынии и т. д. — в этот момент все

потеряли разум, в этом нет никакого сомнения и, в том числе, к сожалению, солдаты. Единственный человек, который выступил против этого был Бетман Гольвег, который долго пытался плыть против течения, но который был раздавлен военными аргументами. Позже Людендорф сказал: Мне было тогда сказано из военных источников, что я получаю 500.000 человек, что оказалось неверным, и я оказался ложно информированным. Каждый думающий человек должен был бы сейчас же сказать: вы получите не 500.000 человек для борьбы с Россией, но это поляки создают армию, чтобы выступить в удобном случае против Германии и Австрии, дабы освободить Польшу. Каждая нация думает о себе и только о себе. Все эти эмигранты и советчики хотят только обеспечить себе в будущем места.

Кейтель: Я хочу еще доложить, что когда Польша выступила против нас, некоторые немецкие офицеры, как, например, командир кавалерийского полка, который служил в германской армии и дрался в течение четырех лет, перешел к Польше, чтобы стать во главе союза: сказалось старое дворянское происхождение.

Фюрер: Сегодня опасность точно такая же. Приказ номер 13 находится вне дискуссии. Можно допустить и другие вещи, но под условием, что ни малейших практических выводов из них не будет сделано. И прежде всего, чтобы не распространилась психология, которую я, к сожалению, успел уже кое у кого заметить. Даже у Клюге*) это несколько раз прозвучало. Мы, мол, получим огромное облегчение, если построим русскую армию. Тут я могу только сказать: мы никогда не создадим русской армии: это фантом первого разряда. Нежели заниматься этим, гораздо лучше заполучить в Германию русских в качестве рабочих. Это гораздо важнее. Мне не нужно русской армии, которую мне пришлось бы абсолютно всю пронизать немецкими корсетными шнурами. Если вместо этого я получу русских рабочих, то это окажет мне действительную услугу. Я тогда смогу освободить немцев и переучить русских. Важно только одно: чтобы у нас не возникло внезапно такое настроение: если нам в определенный момент станет плохо, то тогда нам стоит только устроить украинское государство, и мы получим миллион солдат. Ничего мы не получим, ни одного солдата. Необходимо строго следить за тем, чтобы у нас не возникли такие настроения. Это

---

*) Фельдмаршал фон Клюге командовал армией на Юге России. Кончил самоубийством, чтобы избежать ареста Гестапо, ибо был замешан в заговор против Гитлера.

было бы величайшим безумием, ибо в этом случае мы прежде всего выпустили бы из рук наши военные цели.

Я уже это недавно рассказал Цейцлеру. Я присутствовал при разговоре между Розенбергом и Кохом и мог только удостовериться, что между ними существуют вполне естественно громадные разногласия. Розенберг имеет со времени своей эмиграции свою лавочку политических отбросов («унтервельт»). Разумеется, в годы 1919-1922 эти эмигранты были нам очень симпатичны, ибо нам сказано было: возможно, что в России произойдет переворот. Уже в 1921 году я имел с Розенбергом об'яснение по этому поводу. Тогда появился украинский гетман, который пришел представиться. Я сказал: Розенберг, чего вы ожидаете от этого человека? — Он организует революцию (ответил Розенберг). Я сказал: тогда он должен быть в России. Люди, которые делают революцию, должны сидеть в том государстве. Это все равно, как если бы я сидел в Швейцарии и говорил бы: я организую из Швейцарии революцию в Германии. Это же ребячество. Как Вы себе это представляете? Тогда он сказал: Ленин. Я ответил: Это сделал не Ленин, а мы разбили и растерли Россию и в эту разбитую Россию доставили Ленина, которому тогда было там место. Но дело же обстоит не так, что можно извне делать революцию. Был свергнут царь, была революция Керенского, Россия была разбита на поле битвы и только тогда пришла внутренняя катастрофа. Я постарался об'яснить это Розенбергу. Но, к сожалению, он с тех времен имеет эту лавочку. К этому надо еще прибавить кое-что. Розенберг один из самых острых мыслителей создавших мировоззрения. Но как раз именно занятия вопросами мировоззрения дали ему весьма мало возможностей соприкасаться, я должен это открыто сказать, с вопросами каждодневности. Вопросы мировоззренческие и каждодневные не легко поставить рядом и согласовать. И, вот, оба этих экспонента пришли ко мне, один представляющий вопросы мировоззрения и мировой политики, а другой — обыкновенных каждодневных проблем — Кох. Кох сказал Розенбергу в лицо: Партейгеноссе Розенберг, все то, что Вы мне говорите — очень просто, но Вы должны признать одно: политику, к которой Вы стремитесь, как и устройство высших школ, организация национальных комитетов и т. д. я смогу провести только в том случае, если я им предоставлю поле деятельности, ибо в противном случае вся Ваша работа там сведется только к нарастанию революционной энергии, которая в один прекрасный день обернется против нас.

Кох говорит: дело обстоит так, что ко мне является

Баке (министр продовольствия. **Б. Д.**), а позади Баке стоит Вермахт. Этот Вермахт не говорит: дорогой Баке, давайте выясним, можете ли Вы дать рационы или нет, а говорит: мы требуем этого. А дома приходит немецкий народ и говорит: вы должны доставить мне 5,7 миллионов тон хлеба и ни один человек не поинтересуется узнать, где я это беру и получаю ли я это полюбовно или нет. Никто не интересуется узнать, а что же я даю другим за все это. Мне нечего давать, нечего предлагать, я должен просто забирать. Затем мне говорят: нам нужны 10.000 лошадей, 100.000 тон мяса и все другое. И идет даже закупка.

Я имел такой же случай в генерал-губернаторстве, и эти господа там признали мою правоту. Все было ясно: эти господа жалуются, что там нет порядка. Но какой же возможен порядок в стране, где 120 человек сидят на квадратном километре? Французы не в состоянии прокормить 80 человек на квадр. километре, и страна их превращена в хлев, куда посылается всякая дрянь из Рейха, а все доброкачественное вывозится. Каждый заявляет: этого я не позволю, я сам закупаю. Четырехлетний план закупает, Луфтвафе закупает, интенданты разных армий закупают, Спеер (министр снабжения. **Б. Д.**) закупает, и каждый конкуррирует с другим и этим уничтожает нашу валюту, ибо каждый платит побольше. Почему польский крестьянин будет доставлять за 12 злотых, если он от другого получит 4-5 марок? Мы назначили там рабочим заработную плату, которая смехотворна. Они получают на фабриках злоты и на эти злоты рабочий должен что то покупать от крестьянина, который за тот же товар получает вдесятеро в марках и от наших же учреждений. Каждое из них заявляет и кричит: не торгуйтесь . . . Что же делать тогда?

Тогда говорит Франк: кроме того я имею 11.000 полицейских в стране в 147.000 кв. клм. с населением свыше 16½ миллионов человек. Вся эта полиция мне необходима, чтобы подержать порядок в Кракове, Варшаве и некоторых других местах. Как же все это выполнить? Это — неразрешимые задачи.

И, вот, говорит Кох: Скажите мне партейгеноссе Розенберг, что я должен делать? Могу ли я сказать Баке, что я сожалею, партейгеноссе Баке, но я должен построить хорошее и чистое украинское государство, а потому я не могу вам дать 5,7 милл. тон хлеба, а только два миллиона или один миллион и на этом конец, ибо моя задача — построить государство. На это Розенбергу нечего было возразить. Кох сказал: мой дорогой Розенберг, Вы живете в Остминистериуме в прекрасном мире организации обла-

стей. Я же, прежде всего, живу в мире жестокой необходимости прежде всего удовлетворить тысячи требований, и это дает мне удовлетворение. Я здесь для этого поставлен, и мне ничего другого не остается. Как же иначе я могу это делать? Он говорит: Я теряю 500.000 евреев, которых я должен убрать, ибо это элемент беспокойства. Но в то же время евреи в моем районе все — ремесленники. Вы хотите, чтобы были организованы высшие и средние школы, дабы можно было с большим успехом бороться с Россией, а я не в состоянии обеспечить рабочим, которые здесь работают, возможность починить сапоги, ибо не имею сапожника, ибо евреев больше здесь нет. Что же важнее: научить украинцев чинить сапоги или посылать их в высшие школы для того, чтобы они потом построили украинское государство?

Громадная опасность в том, что, побуждаемые эмигрантами, мы можем следовать их линии и что понемногу люди, не имеющие политического опыта и не знающие действительности, внезапно оказываются у власти. Я испытал уже этот опыт. Между прочим Коху был брошен упрек, что в его районе имеются партизанские выступления. А какая же у меня полицейская сила? Дайте мне достаточно полиции и я ликвидирую партизанщину. Заберите из какого нибудь военного района войска и тогда вы увидите, будут ли там партизаны или нет. Я не имею партизанов в плодородной области, а на Севере, где всегда были банды. И армия вынуждена всегда вести борьбу с партизанами в полосе в 50 клм. позади фронта, а я нахожусь сотни клм. за фронтом и не имею людей. С кем же мне это делать?

Все это теоретизирование в облаках, не говоря уже о том, что мы здесь вопросами будущего планирования не занимаемся. Я не могу здесь строить планы будущего с устройством независимых или автономных государств. Ибо начинают всегда, я бы сказал, с присоединенным государством а ля Польша, а кончают независимым государством. Это совершенно ясно, и здесь конец роману.

Поэтому необходимо очень строго следить за тем, чтобы у нас не было ложных представлений. Ген. Цейцлер уже сказал, что было бы важно, чтобы я эти свои соображения когда нибудь выяснил бы наиболее важным офицерам, и прежде всего генералам и фельдмаршалам.

Кейтель: Ламмерс уже работает над тем, чтобы изложить на бумаге Ваши соображения. Он со мной уже говорил об этом, и я просил его об этом весьма настойчиво, ибо это очень трудно внедрить нашим генералам. Я должен от-

крыто сказать: я сам это знаю по Кюхлеру и Клюге. Они усматривают в организации так называемых национальных союзов и их вооружении облегчение в борбе с теми беспорядками, которые развиваются позади нас.

Фюрер: И, вот, Цейцлер говорит, что сегодня имеются уже несомненно такие союзы, которые невозможно без дальнейших распустить, ибо их надо заменить.

Цейцлер: Мы имеем всего 78 батальонов, 1 полк и 122 роты. Это — все. Из этих 78 батальонов только 47 имеются у фельдмаршала и на Востоке Украины, впереди тоже очень мало и они рассеяны там. Есть еще категория в 60.000 человек, нечто вроде «стражи». Они об'единены в очень маленькие отряды.

Фюрер: Эти нужны. Без этого не обойтись...

Цейцлер: Имеется еще около 200.000 «вольновспомогающих». Они находятся в войсках канонирами 4 и 5. Их нельзя убрать.

Кейтель: В отношении их у меня не возникает ни политического, ни пропагандистского, и вообще никакого вопроса. Опасность только в национальных частях, ибо они соединены в более крупные части.

Цейцлер: Есть только один полк. Остальное — это батальоны. Это тоже не опасно.

Фюрер: По моему мнению, решающим моментом является не факт существования этих национальных частей. Важно, чтобы мы себя не обманывали насчет того, что можно, вообще, от них ожидать и что мы, с другой стороны, можем им обещать. Необходимо остерегаться того, чтобы мы в один прекрасный день не прониклись мыслью, как это уже было с военными в 1916 году, когда они пришли и сказали: «теперь должны что-то предпринять политики», например, организовать украинское государство на подобие польского, которое мы тогда организовали. Позже Людендорф говорил: «Ах, если бы мне это раньше сказали!.. Мои специалисты и эксперты сказали мне, что я получу от 500 до 700.000 человек, и это было причиной акции». Людендорфа упрекали в том, что образование польского государства — его вина, и он не мог от этого отвертеться. Позже он нашелся и заявил: «Я сделал это в пору кризиса, ибо мне сказали, что этим путем я получу солдат».

Кейтель: Разрешите заметить, что мы рассматриваем инициатора этих пропагандных листков, этот национальный ко-

митет за подписью Власова, как средство чистой пропаганды.

Цейцлер: Надо строго различить две разные вещи: то, что идет к врагу — там можно делать что угодно, а то, что делается у нас внутри — это нечто совсем другое. Здесь проходит черта.

Кейтель: Я еще раз поставил этот вопрос Розенбергу. Я спросил его: какую именно цель Вы ставите себе этим национальным комитетом? Нами они используются только пропагандистски, чтобы побудить их к перебежке. Ответ: организацию отрядов «хильфсвиллиге» — так он их называет — и участников русских, украинских, кавказских, татарских и других боевых частей — так он их называет — под наименованием: русская или украинская «Освободительная Армия», как и пропагандистское использование этих мероприятий я вполне одобряю». Но речь ведь идет не о пропагандистском использовании, а об их об'единении в крупные единицы. И это то, чего Фюрер не желает.

Цейцлер: Мы этого и не делам. Все, что нужно — это найти что нибудь, чем можно было бы вознаградить служащих нам людей, дабы их держать у нас, что нибудь положительное, в виде ли денег или обещания, что они потом что то получат. Об'единение их я считаю абсолютно неправильным, о дивизиях и речи быть не может. Батальоны еще допустимы, эти можно всегда держать в руках. Но сверх этого ни в коем случае нельзя итти, за исключением казачьей дивизии: эта очень порядочна.

Фюрер: Я бы сказал, что когда мы победоносно вступим на Кавказ, то мы у маленьких тюркских народов найдем эти об'единения, но, разумеется, не у грузин.

Кейтель: Эти об'единения мы извлекаем, ибо речь идет о самых лютых врагах большевизма. Эти находятся вне спора. Это — тюркские легионы. Но речь идет о национальных армиях, и я хочу еще раз напомнить то, что мы сказали об этом в начале сентября прошлого года: наиболее заслуженные в борьбе с бандами национальные части — а это роты — в том случае, если они заслуживают полного доверия и состоят из дружественных нам элементов, добровольно соединившихся, могут продолжать существовать и развиваться. Так сказали мы тогда . . .

Фюрер: Развитие их уже опасно.

Цейцлер: И так их уж слишком много . . .

Фюрер: Развитию их необходимо помешать, ибо развитие не имеет границ.

Кейтель: Командующий восточными армиями поддерживает развитие.

Цейцлер: Нет, я его держу в вожжах. Батальоны — это наибольшее соединение.

Кейтель: Теперь дальше: привлечение их к борьбе на фронт или использование эмигрантов или вождей старой интеллигенции остается строжайше запрещенным. Это мы тогда уже категорически сказали. Такого рода люди не могут быть допущены, и мы их выставили. Я сам провел такую акцию в Средней армейской группе. Там под видом переводчиков проникли на ответственные посты эмигранты, и мы их вышвырнули.

Шмундт: Дело обстоит не так, чтобы генерал Линдеман горел желанием организовать эти части, но он говорит: необходимо прежде всего выделить нашу пропаганду среди врага. Тут нам все равно. Но в тылу, — по его словам, — мы достигли того, что мы освободили наших солдат для фронта тем, что на одном только моем участке фронта имеются 47.000 «вольнопомогающих» и они, для примера, обслуживают у меня охрану всех путей, и только за то, что получают кров и питание.

Кейтель: «Вольнопомогающие» или национальные об'единения?

Шмундт: «Вольнопомогающие». Но это люди, которые выполняют свое дело без надзора и без полиции, — добровольно, и банды исчезли. И все это мы до сих пор получили взамен за хлеб и питание. Затем появляется Власов, который раз'езжает в качестве проповедника и проповедует **национальное освобождение** как среди местного населения, так и среди добровольцев и в войсках.

Кейтель: Это я уже запретил.

Шмундт: Но генерал Линдеман говорит: я обращаю ваше внимание на опасность положения. Ибо сейчас эти люди спрашивают: а в чем-же состоит ответная услуга Германии в отношении нас? А он (Власов) уже договорился до свободы. Конечно, он немало сделал для подавления банд, и потому теперь и ставится этот вопрос об оплате его услуг. Линдеман говорит: сейчас наступил момент, когда мы должны дать какое-то обещание Власову, если даже мы и не собираемся его выполнить. Мы должны сказать ему: вы получаете то-то и то-то, или надо все это дело решительно прекратить. В противном случае это может повернуться против нас. Люди станут недовольны и начнут саботиро-

вать вместо того, чтобы обслуживать наши линии сообщения.

Фюрер: Мне вообще генерал Власов в тыловых территориях (т. е. в оккупированных частях СССР. **Б. Д.**) — не нужен.

Шмундт: Но он это делает.

Фюрер: Это надо прекратить. Он мне нужен только впереди.

Шмундт: Именно этого решения и добиваются командующие армиями.

Кейтель: Решение принято.

Фюрер: Цейцлер, все ясно: в тылу нам Власов не нужен — там его влияние может быть только вредно.

Цейцлер: Только впереди, с его именем и фотографиями.

Кейтель: Резрешите еще поставить вопрос, поднятый в генеральном штабе Северной группой войск: они просят, чтобы добровольцы из эстонцев, латышей и литовцев были включены, в качестве солдат, в немецкие части и таким образом потери заполнились бы.

Фюрер: В такой общей форме это сделать нельзя.

Цейцлер: Имеется еще латышская э-эсовская бригада.

Фюрер: Это — отдельные отряды. Но в массовом виде этого делать нельзя.

Кейтель: Их надо включить в немецкие части как солдат, а не как добровольцев. Они должны заполнять пробелы.

Фюрер: Ни в коем случае. Это поведет к тому, что я в конце концов сделаю наши части совершенно ненадежными. Их надо тщательно отбирать, их надо дрессировать.

Кайтель: Это все равно делается.

Фюрер: Но если вы их включите в наши нормальные военные части, то может случиться, что они внесут в них свой яд. Так просто этого делать нельзя.

Цейцлер: Пока имеется только одна дивизия Нидермейера, о которой я докладывал. Там нас 1:1. Это удивительно. Теперь русские солдаты обучают наших искусству окапывания и использования местности. Они знают такие методы окапывания, что просто удивительно.

Кейтель: Это та дивизия Нидермейера, в которую входят туркмены. Ее номер — 162.

Фюрер: Где она находится?

Цейцлер: Она в генерал-губернаторстве (Польше). Мне и это

казалось ненадежным, хотя Нидермейер настаивал. Тогда я предложил отношение 1:1 — и она сейчас переформировывается.

Фюрер: Одно ясно: мы попробовали только в немногих местах серьезно пустить эти части в бой, и они не смогли выдержать серьезного испытания.

Цейцлер: Серьезных — нет. И в той оценке, которую я привел, сказано: хотя они уже 1½ года готовятся, они все еще до конца не надежны.

Фюрер: На это и расчитывать нельзя. И я еще раз говорю: мы можем вести нашу пропаганду на той стороне, как нам угодно. Туда — можно все. Но здесь нам нужна ясность, мы не должны скатываться к тому, что было уже раз в 1916 году. Этого не должно случиться. Мы не можем поручить эти части третьему лицу, который их заберет в руки и скажет: сегодня мы идем вместе, а завтра — нет. И тогда мы можем в определенный момент оказаться перед фактом чего-то вроде забастовки. Это распространится по всему фронту, и тогда они окажутся организованными и начнут нас шантажировать.

Кейтель: Я могу только доложить, что Власов уже отозван. Его больше нет на фронте. Всякая пропагандистская деятельность на фронте и его собственная пропаганда ему запрещены. Нам надо было решить только одно: хотим-ли мы в нашей пропаганде дальше пользоваться лозунгами так называемой Освободительной Армии.

Фюрер: Да, там можно все допустить.

Кейтель: Я не считаю этого угрожающим: ведь мы являемся освободительной армией от большевизма.

Фюрер: Хотя я должен сказать, что я уверен, что лозунг Освободительной Армии оказывает свое действие: ведь народ там (в СССР) не желает сражаться, а жаждет покоя.

Цейцлер: Я обратил главное внимание на фотографии, показывающие, как выглядят лагеря для перебежчиков. Этим можно достигнуть большего, чем политикой.

Кейтель: Но тогда возникает вопрос об использовании перебежчиков.

Фюрер: Я стою за то, чтоб мы их отправляли в Германию. Они ведь военнопленные. Если бы я только мог передать из них 30, 40 или 50.000 человек комиссару по углю! Но в этом случае с ними надо будет прилично обращаться.

Цейцлер: Я поставил себе целью — превратить их в хороших рабочих для Германии. На фронте от этих перебежчиков

ничего не добьешься. Я могу того или иного использовать в качестве вольнопомогающего для заполнения потерь. Но масса должна быть привезена в Германию в качестве рабочих, чтобы освободить немцев для фронта.

Фюрер: Я могу только сказать одно: если мы не наладим нашей угольной промышленности, то может наступить момент, когда я не смогу больше производить ни амуниции, ни взрывчатых веществ, когда мы не сможем больше строить подводные лодки. То же произойдет в сотне других отраслей. Это идиотство, но такой момент может наступить. Уже и сейчас достаточно трагично, если итальянцы являются к нам с вопросом, почему то или иное не доставляется. Я обязался им это доставить, а выполнить этого мы не можем за недостатком угля. Это, конечно, бесхозяйственность.

Кейтель: Я сообщу также рейхсминистру Розенбергу, что, согласно Вашему решению, не може быть и речи о каких-либо практических последствиях всего этого в нашем тылу, что мы будем продолжать нашу пропаганду у неприятеля тем же путем, что и раньше, и что мы Власову не позволим больше действовать в русских районах.

Фюрер: . . . Я уверен, что русские будут вести свою пропаганду на нашей стороне. Необходимо избежать того, чтобы у нас могли возникнуть ложные надежды.

Кейтель: Верно, однако, и то, что генералы, в особенности Клюге — я знаю это от него лично, ибо я с ним об этом много говорил, — видели в этом облегчение.

Цейцлер: В этом деле нехватает ясности на верхах. Это необходимо раз навсегда выяснить именно сверху.

Кейтель: Разрешите обратиться с просьбой еще по одному вопросу, который сейчас разрабатывается. После того, как все условия для добровольцев определены, необходимо также и для национальных об'единений установить правила относительно их состава, обучения и т. п. Было бы хорошо все это еще раз показать фюреру. Это пока-что еще разрабатывается в отделе организации.

Фюрер: Может быть, можно использовать стенограмму сегодняшнего заседания, в котором я изложил все свои мысли, Ламмерс*) мог бы это просмотреть и сделать из этого что нужно. Кроме того, мы можем еще посмотреть, как это

---

*) Ганс Ламмерс был до 1933 года мелким чиновником. После прихода Гитлера к власти был назначен в канцелярию Гитлера, как наци, и вскоре стал начальником кабинета Гитлера.

развивается на деле. Может случиться, что придется созвать часть наших главнокомандующих еще раз, и тогда я смогу лично им все сказать.

Шмундт: Это было бы замечательно.

Кейтель: Это было бы очень хорошо . . .

Приложение № 6

Der Reichsminister
für die besetzte Ostgebiete
No. P.922/a/44g.

26/44/g (86) 572.

Berlin W. 35 19.9.1944
Rauchstrasse 17/18

An das
Oberkommando der Wehrmacht
WPr.
Berlin W.35
Bendlerstrasse 11-13

G E H E I M.

Generalbevollmächtigten
für die Arbeitseinzatz
Berlin W.
Thuringenhaus

Reichsministerium
für
Volksaufklaärung und Propaganda
Berlin W.8
Wolhelmplatz.

Штемпель

Reichsministerium
für Volksaufklärungen
und Propaganda
Eig. 21. Sep. 1944
26/44/g (86)
Pro 2999.

Anbei übersende ich Aufzeichnung eines höheren sowjetischen Offiziers zu verschiedene Fragen der Deutschen Ostpolitik.

Es handelt sich herbei um diejenige Auffassung, die unter den entlassenen Kriegsgefangenen Flüchtlingen und Emigranten aus dem Osten weit verbreitet ist.

Im Auftrag

Gez; (Bräuntigam).

Примечание. Доктор Брейтигам, автор этого письма, служил в Остминистериуме Розенберга в качестве «министериалдиригента».

ЗАПИСКА СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

Девятнадцатого сентября 1944 года министр оккупированных областей Востока (Розенберг) разослал не совсем обычный для него документ.

Документ этот, озаглавленный им: «Записка высшего советского офицера», была послана только трем адресатам:

1) «Верховному командованию Вермахта», т. е. Гитлеру и Кейтелю;

2) «Рейхсминистерству пропаганды и раз'яснения», т. е. Геббельсу и

3) «Генеральному уполномоченному по мобилизации труда», т. е. Заукелю.

Документ этот нигде не напечатан и заслуживает внимания русской общественности.

В своем препроводительном письме за подписью доктора Брейтигама (министериальдиригент министерства Востока) за №П.922/а/44 скромно указывается без всяких комментариев: «При сем препровождаю записку одного высшего советского офицера касательно разных вопросов восточной политики Германии. Речь идет о воззрениях, распространенных среди освобожденных военно-пленных, беженцев и эмигрантов с Востока». Это-все. Ни слова пояснения или оценки. Ни намека на то, кто именно скрывается под этим званием «высшего советского офицера».

Записка эта, с некоторыми, ничего не меняющими сокращениями, следующего содержания (в переводе с немецкого):

«Во время моего пребывания в Германии — начинается «Записка» — я имел часто возможность беседовать с одной стороны с представителями германского военного командования, а с другой стороны — с русскими эмигрантами: бывшими офицерам царской армии, и с бывшими представителями чинов гражданского управления. И каждый раз затрагилалась тема о сопротивлении Красной армии. Вместе с тем, вопрос об «упорном сопротивлении на Востоке» часто трактуется в прессе. Я еще не забыл, как в одном из руководящих органов печати

появилась статья под заглавием: «Нам непостижимо», которая начиналась следующим образом: «Мы не понимаем большевиков. Они оказывают упорное сопротивление, которое для наших представителей непостижимо, ибо это сопротивление не основано ни на удали или мужестве, ни на любви или ненависти. Мы полагаем, что за этим скрывается безмолвие степей и та затаенная молчаливость, которая является наследством Чингисхана. Впрочем, мы уже во время этих восточных кампаний привыкли к тому, что для того, чтобы сломить сопротивление красноармейца — его необходимо убить» . . .

Таково начало статьи, смысл которой каждому читателю вполне ясен. Со своей стороны я могу сказать только следующее:

Я хорошо помню грандиозные бои летом 1941 года, когда десятки и сотни тысяч добровольно сдавались в плен. Теперь времена изменились. Необходимо срочно выяснить причины, ибо промедление равно затяжке войны и дальнейшему пролитию **немецкой крови** (курсив мой. **Б. Д.**).

Как русский я хорошо знаю менталитет русского народа и считаю своей обязанностью открыто и честно высказать мои мысли в связи с этим.

Провидение избрало Фюрера и его страну для уничтожения безбожного еврейского большевизма, для освобождения русского народа и для защиты других стран от смертельной опасности. Так это было в действительности и так это понял русский народ, который внутренне не согнулся перед большевизмом, но был в результате террора и общих условий жизни слишком слаб, чтобы сбросить с себя еврейское иго. Было так легко вернуть русский народ к новой жизни. Любая жертва не была велика, чтобы освободиться от еврейского ига . . . Несмотря на всю еврейскую пропаганду, солдаты с «пропусками» и сияющими лицами, обманывая бдительность комиссаров, шли сдаваться в плен . . . Они не желали сражаться против немцев . . .

Еврейское командование было осведомлено об этом настроении и потому они с момента начала войны повели интенсивную борьбу против германского плена. Картины ужасов, картины голода и рабства военно-пленных распространялись тысячами.

Почему же число перебежчиков так упало? Потому что

большинство пленных было разочаровано в своих ожиданиях. Им обещали: «переходите к нам, вас будут хорошо кормить и к вам будут хорошо относиться». Что получилось? 18-20 дней без всякого питания, ругань и побои, бесконечные расстрелы часто только за то, что солдаты не понимали, чего немцы от них хотят. Затем транзитные лагеря без крыши над головою, часто без еды, массовые заболевания и смерти, трупы без конца. Обо всем этом сообщала пропаганда Красной армии, но на этот раз это говорили уже не евреи, а их же (солдат) вчерашние товарищи, бежавшие из плена».

Затем пришла акция увода «остарбейтеров». Им все обещали и они верили немецкому слову.

«А что было в пути? Грубое обращение, хуже чем с преступниками, недостаточное питание, часто, вообще, без всякого питания.

Изголодавшиеся, морально придавленные, приезжали они в Германию, где их сейчас же помещали за колючей проволокой и где они оставались, преследуемые подозрениями и руганью населения. Это были добровольцы с Востока . . .

Под предлогом необоходимой дезинфекции им приказано было не брать с собою платья и обещано было дать его в Германии. Кое где — например во Львове — у них, вообще все забрали. И теперь все они ходят оборванными, в тряпье. Прошлая зима было сплошной трагедией».

«И, вот, я спрашиваю: что должны в таких условиях думать эти русские военнопленные и русские рабочие? Они думали, что идут к освободителям, чтобы совместно бороться против их поработителей — большевиков, а получилось» . . .

«У них возникает масса вопросов: почему их так плохо кормят? Почему им платят меньше и кормят хуже, чем пленных других народов? Разве они не те же люди? Почему русских военно-пленных так третируют и часто бьют? Этого себе никогда не позволяют в отношении пленных других народов. Почему русские гражданские рабочие сидят за проволой, как преступники? Почему русских женщин и девушек заставляют делать работу мужчин? Чем они хуже других? Почему приказ Геринга об улучшении отношений к остарбейтерам действовал так кратковременно и был отменен? Почему не допускают к обряду крещения детей русских священников? Почему не поз-

воляют русским женщинам и девушкам посещать средние и высшие школы?» . . .

«Вот причины горьких разочарований». Они убеждаются в том, что «освободители считают русского человека только получеловеком». «Его считают преступником, унтерменшем, его приговаривают к жизни раба. Откуда может у него явиться вдохновение для борьбы за лучшую Европу?»

«Русские так думают: «Мы полагали, что идут наши освободители, которые поведут нас к лучшему будущему. Но они хотят нас поработить точно так же, как и евреи. Они хотят сесть на место евреев. Раз это так, то мы будем против этого защищаться и будем драться за каждый город, за каждый дом, за каждый камень. Только через наши трупы они пройдут в раззоренную Россию».

«Так думают красноармейцы, и это находит живую поддержку в еврейской прессе, которая весьма умело изображает эту войну, как войну народную, национальную, как защиту России.

Вот почему так мало перебежчиков. Вот почему эта «упорная» оборона.

Красная армия должна быть разбита. Но как этого достигнуть? Сопротивление ростет со дня на день. «Убить всех красноармейцев», как это советует автор указанной статьи? Не придется ли потом пожалеть об этой системе? Не будет ли когда нибудь в русском солдате большая потребность, но под другим руководством?

Есть возможность сломить сопротивление русских и тем самым добиться уничтожения еврейско-большевистского господства. Это — единственная возможность и нельзя терять времени, так как скоро может уже стать поздно.

Это средство называется: коренное изменение нынешней ложной политики в отношении «восточного человека», которая «уже стоила много **немецкой** крови» (курсив мой. **Б. Д.**).

И что же против этих людей имеют?

«Разве только «восточный человек» ответственен за большевизм? Разве Европа не поддерживала его? Разве немцы не повинны в том, что они частично участвовали в усилении этого противодействия? Разве не немецкие инженеры построили большую часть военной индустрии в Советском Союзе? И, на-

конец, разве не германские офицеры доставили в 1917 году основоположников большевизма из Швейцарии в Россию? Не оплачивается ли сегодня немецкой кровью ошибочная политика вчерашнего дня? Может быть придется платить и за сегодняшнюю ложную политику . . .

Необходимо вернуться к первоначальным целям войны, которые должны быть ясно показаны: борьба двух мировоззрений, борьба против безбожного большевизма и еврейства, освобождение русского народа от еврейской заразы и защита Европы. Но ни под каким видом и ни при каких условиях угнетение и порабощение восточного человека. И это последнее не только на словах, но и на деле в подлинном отношении к восточному человеку. Нельзя забывать, что человек из Советского Союза не верит обещаниям, а считается только с фактами . . . Нынешнее недостойное обхождение с восточным человеком не дает никаких оснований к доверию . . . Оно не отвечает также и тем высоким целям, которые в начале восточного похода были об'явлены Фюрером.

Сопротивление на Востоке — это русский ответ на попытку снизить их до положения «унтерменша».

На этом «Записка» кончается.

М. П. Д-р ТАУБЕРТ. Бюро «Г». 26/44 г. (88)

Берлин 22.9.44

Господину Штаатсекретарю.

Касается: Положение
Восточной политики

(Штемпель)

Рейхсминистерство для раз'яснений и пропаганды Бюро «Г». 26/44 г. (88) Ост 2287

Нижеизложенные сведения основаны на сообщениях министериал-диригенты Д-ра Брейтигама из Ост-министерства, а частью от сотрудников Обергруппенфюрера Бергера: Арлта и Крегера.

1) Фюрер назначил гауляйтера Коха Рейхскомиссаром Восточных областей. Розенберга об этом до того не запрашивали, но сейчас он согласился с этим назначение. С точки зрения пропагандиста приходится опасаться, что этот акт не вызовет у населения удовольствия, так как имя Коха — это программа.

. . . .

2) Что касается известной задержки с заявлениями о Власове, то я узнал, что по существу дела ничего не изменилось, но решено было опубликование задержать на неделю. Основанием, как указывают, послужили внешне-политические соображения.

3) Конструкция организации по руководству восточными народами предполагается в следующем виде:

а) Под управление руководящего штаба (Бергера) будут созданы для каждой народности немецкий отдел для руководства, задача которого будет — давать направление соответствующему национальному комитету (русскому, украинскому, белорусскому, грузинскому, татарскому и т. д.).

б) Во главе **русского** национального комитета предполагается поставить Власова, который таким образом соединит в себе военные и политические уполномочия.

в) Для украинского национального комитета предполагается об'единение по возможности всех групп и создание Всеукраинского руководства, т. е. создание известного рода об'единенного фронта. С этой целью во главе его должно стоять лицо, признанное в качестве представителя всех украинцев (вероятно, гетман Скоропадский). В самом комитете главное место должен занять энергично выдвигаемый нами. бургомистр Харькова Семененко, а затем также вожди крайних направлений: Бандера и Мельник. Это — представители тех групп, с которыми мы, когда мы еще занимали Украину, сталкивались в партизанской борьбе. Об'единение с ними, которого надеются сейчас достигнуть, является старым требованием нашего отдела. Это об'единение создаст также возможность сотрудничества с украинскими партизанами за советским фронтом (об этом ниже).

г) Власов стремится об'единить все национальные комитеты восточных народов в один большой комитет (Антибольшевистский Комитет Борьбы). По вопросу, правильно-ли это, мнения расходятся.

Что касается нас, то мы, так же, как и представитель Бергера Арлт и Рейхсминистр Розенберг считаем, что этого НЕ следует допустить, ибо таким путем будет создана большая «крышевая организация» над всеми восточными народами. Далее, в интересах Германии не об'единять, а раз'единять эти народы. К тому же, при таком порядке станет невозможной совместная работа с украинцами. Такой порядок будет также отвергнут и кавказцами. Необходимо иметь всегда в виду, что в занятых нами восточных областях не-русский элемент играет очень большую роль: ост-рабочие состоят на 60% из украинцев, в добровольных об'единениях («фрейвилиге Фербенде») сейчас еще больше кавказских элементов.

д) **Сектор пропаганды.** В каждом национальном комитете находится уполномоченный по пропаганде, который лично является также руководителем соответствующего отдела Финеты. Мы хотим, например, в будущем об'явить русское радио обслуживающим информационный отдел русского национального комитета, а равно предоставить всем национальным комитетам выступать в роли издателей газет и брошюр. В основном вся пропаганда должна вестись **во вне** под знаком национального комитета, в то время как **внутри она направляется нами.**

4) В течение месяцев мы добивались, чтобы украинские партизаны были снабжены и поддержаны оружием. Это требование сейчас осуществляется. Оно связано с вышеуказанными мероприятиями. Таким образом можно, наконец, перейти к тому, чтобы призвать украинский народ к борьбе за свободу против большевизма и обеспечить их оружием.

5) Равно также принято, наконец, наше старое требование об организации среди восточных народов политических партий с национал-социалистическим направлением.

6) Это новое развитие ставит много новых пропагандистских задач. Они разрабатываются преимущественно нами, а частью д'Алкеном (d'Alquen), с которым мы сговариваемся о распределении областей работы.

7) Новые значки для ост-рабочих производят очень благоприятное впечатление. Политически необходимое разделение ост-рабочих по национальностям продвигается с помощью этих значков вперед. О митингах, которые происходят при введении этих значков последует особый доклад.

Хайль Гитлер!

Приложение № 8

QUERSCHNITT DURCH DIE TÄTIGKEIT DES ARBEITSGEBIETES DR. TAUBERT (ANTIBOLSCHEWISMUS) DES RMVP BIS ZUM 31. 12. 1944.

A. Von der Kampfzeit bis zum Krieg mit der Sowjet-Union.

I. Die beiden ersten Aktionen.

Das Arbeitsgebiet "Antibolschewismus" begann bei Gründung des Propagandaministeriums seine Tätigkeit mit zwei Aktionen:

1.) Die Dokumente über den unmittelbar bevorstehenden bolschewistischen Umsturzversuch (Reichstagsbrand) wurden gesammelt und eine Woche vor Beginn des Reichstagsbrand-Prozesses der deutschen und der Weltöffentlichkeit in Gestalt des Buches "Bewaffneter Aufstand" übergeben. – Bis zu diesem Zeitpunkt war die nationalsozialistische Behauptung, daß die Machtergreifung des Führers einen bolschewistischen Umsturzversuch im letzten Moment verhinderte, nicht bewiesen worden. Dieser Beweis aber war sehr wichtig, weil er in den Augen des größten Teiles des Auslandes eine "Rechtfertigung der nationalsozialistischen Machtergreifung" darstellte und geeignet war, die einflußreichsten Kreise des Auslandes mit ihr auszusöhnen. So war z.B. bei den englischen Konservativen und bei weiten Teilen der amerikanischen Hochfinanz die Überlegung, daß ohne die Machtergreifung

– 2 –

Приложение № 8

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА РАБОТ Д-РА ТАУБЕРТА (АНТИБОЛЬШЕВИЗМ) РЕЙХСМИНИСТЕРИУМА ПРОПАГАНДЫ ДО 31.12.1944.*)

Б. Деятельность во время германо-советской войны.

1. Подготовка.

Пропагандные мероприятия для этой войны были проведены во время военных маневров 1936 года. Была проделана следующая подготовка по пропаганде.

А. Непрестанно подчеркивалось, особенно интенсивно со времени визита Саймона и Идена в 1935 году (в Германию), что развал культурной жизни в Советском Союзе, нищенское положение рабочих, крестьян и т. д. не исключает бесконечного вооружения страны. Наоборот, именно эти факты это вооружение обусловливают. Например, на больших антибольшевистских выставках голод в Советском Союзе выставлялся под освещением: «10 миллионов людей должны голодать, чтобы были созданы орудия нападения на мир».

Б. Была создана ясная идеологическая основа относительно населения Советского Союза, что имело на случай войны решающее значение. Тезисы, положенные в основу многочисленных прокламаций отдела пропаганды Национал-социалистической партии, выявляли, что вражда Германии направлена не против народов Советского Союза, а против еврейско-большевистских угнетателей этих народов, что на самом деле целью Германии является освобождение этих народов. В особенности предлагались русскому народу дружба и братство по оружию

---

*) **Примечание автора:** Этот «Обзор» Геббельса охватывает весь период пребывания Гитлера у власти до конца 1944 года. Составлен был, очевидно, в 1945 году, но дата неизвестна. Здесь печатается только заключительная часть этого обзора.
Доктор Тауберт был организатором и до конца гитлеровского Рейха руководителем того отдела Министерства Пропаганды, который под названием «Антибольшевизмус» специализировался на борьбе с большевизмом и «Советами».

против общего еврейско-большевистского врага. Это обстоятельство должно быть особенно подчеркнуто и сохранено в памяти для позднейшего исторического исследования. Я не могу, к сожалению, умолчать о том, как в начале германо-советской войны выявилось совершенно противоположное отношение немцев к населению Советского Союза. Это целиком должно быть отнесено за счет Рейхсляйтера Розенберга. Он не разделял выработанные Министерством Пропаганды вышеизложенные положения. В тех случаях, когда он не употреблял совершенно неясные формулировки, он отстаивал мысль, что носителем большевистских идей является не только еврейство, но что и русский народ «тоже повинен в этом». Русский народ «терпел» большевизм и таким образом он стал возможен. К тому же русский, вследствие его причастности к монголам, кровь которых течет в его жилах, имеет естественное тяготение к разрушительной идеологии большевизма. Таким образом, русский народ является, хотя и во вторую очередь, но все же соучастником большевизма. Отсюда, естественно, вытекает антирусская установка. Таким путем Рейхсляйтер Розенберг, как это следует из его работ, речей, руководств и указаний, является политическим родоначальником той установки в отношении народов Советского Союза, которая привела к тому, что они были определены, как «унтерменши», что им была приуготовлена участь рабов, а их земли должны были быть превращены в германские колонии. Возможно, что Розенберг не делал столь далеко идущие выводы, но это ничего не меняет, и эти выводы явились результатом и следствием его ложной концепции. Как бы сильно Розенберг впоследствии не возражал против украинской политики Коха, тем не менее и ошибки Коха — конечно, против всякой логики — являются последствием этих ложных розенберговских основных положений. Во имя исторической правды и дабы предотвратить осуждение нашей работы, необходимо твердо установить: Розенберг несет двойную историческую вину, так как он:

аа) пустил в мир эту фальшивую концепцию об отношении к восточным народам и

бб) не нашел в себе сил, пользуясь первоначально исключительно большим политическим авторитетом в восточных вопросах, изменить этот курс и тогда, когда он и сам убедился в тлетворном влиянии его ошибок на восточную политику Гер-

мании. Никто другой не был призван к тому и не был в состоянии это делать. В особенности не подходила для проведения этих идей у Фюрера военщина, которая не раз показала себя слабосердечной и непонимающей политику национал-социализма. Это привело к тому, что эти, сами по себе верные, мысли были ими у Фюрера скомпрометированы.

Этим, конечно, не исчерпывается глава о вине за ложную восточную политику Германии, но этим указано, где именно лежит основная вина за нее.

2. Начало войны в области пропаганды.

А. **Финета** (Vineta).

Чтобы избегнуть того, что каждое министерство и каждое управление создает для себя отдельный штаб переводчиков с восточных языков, был за несколько дней до начала антисоветского похода создан под управлением Кляузера особый отдел «Финета», в котором были сосредоточены переводчики и дикторы основных восточных языков. Поэтому, в момент, когда немецкие войска переступили советскую границу, мы были в состоянии сразу начать радио передачи на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках, равно как и на языках кавказских и тюркских народов.

Б) Исподволь, в тиши, были заготовлены на русском языке, а равно и на других языках, листовки, брошюры, плакаты, грамофонные пластинки, фильмы и т. д. и доставлены передовым частям армии. Таким образом, и здесь, чего никогда раньше ни при каких походах не имело место, пропаганда шла не вслед за наступающей армией, а вместе с нею вступала в завоеванные земли. В основу ее была положена вышеприведенная идея дружбы с восточными народами, и это резко выделялось нами, как например: уже на первом, нами распространенном плакате, который показывал Фюрера, была надпись: «Адольф Гитлер — Освободитель». Эта положенная нами в основу политическая идея превращена была политикой Розенберга и Коха в предмет издевательства и насмешки со стороны населения.

3. Задача пропаганды в оккупированных местах Востока.

Пропагандист занимает всегда на политической арене второе место. Он может пропагандировать только те мысли,

которые ему указаны для распространения политиком. Если политическая идея в своей основе неверна, то пропагандист может ее распространить как только возможно широко, но не может помешать тому, чтобы ошибочность этой идеи не пристала к его пропаганде. Пропагандист не может черное сделать белым. Если бы мы не имели в период нашей борьбы (за власть) Адольфа Гитлера и не имели бы национал-социалистической идеи, то самые талантливые и энергичные пропагандисты не в состоянии были бы привести национал-социализм к победе.

Делом Розенберга было найти на Востоке ту правильную политическую концепцию, которая привлекла бы к нам народы Востока. Задача министерства Пропаганды было нести основанную на этом пропаганду в бесчисленном количестве и в разнообразных формах во все углы и концы страны. Соответственно этому, Розенбергу принадлежало политическое руководство, а Министерству Пропаганды оставалось только техническое выполнение пропаганды.

Побудить Розенберга к исправлению его политической линии лежало за пределами компетенции Министерства Пропаганды и было, к тому же, совершенно невозможно. Таким образом, Министерство Пропаганды вынуждено было ограничить свои действия тем, чтобы:

а) по мере сил смягчить ложную политическую линию Розенберга, ослабить ее и предупредить худшее, а в некоторой части и выпрямлять эту линию.

б) выполнить свои технические задачи, т. е. наполнить всю русскую область пропагандой насколько только это возможно.

К п. а) Как уже указано, Министерство Пропаганды не в состоянии было добиться изменения основной политической линии восточной политики Германии, которая была ознаменована лозунгами: «унтерменши», «всемерный грабеж страны», «уничтожение политической интеллигенции», «колонизация Востока» и т. д. Тем не менее Министерство Пропаганды всегда стремилось внести улучшение хоть в отдельных случаях. Оно всеми силами боролось против плохого обращения с населением на Востоке, а равно и против обращения с «остарбейтерами», находившимися в Рейхе и против насильного вывоза людей с Востока на работы (так называемая охота на людей). Это

Министерству Пропаганды удалось помешать полному уничтожению украинской интеллигенции. Оно всеми силами противодействовало, пользуясь помощью некоторых высоких носителей власти, актам несправедливости, произвола и злоупотребления властью.

К п. б) Если руки Министерства Пропаганды были уже тем связаны, что оно имело только техническую задачу, т. е. оно должно было в известном смысле распространять не им установленную политическую идеологию, то трудности его еще увеличиваются тем, что оно обладало собственным аппаратом для проведения своей работы только в Рейхе, на Востоке же оно вынуждено было работать при помощи чужих аппаратов: в местах военной оккупации оно вынуждено было прибегать к помощи военных отделов пропаганды и ПК, которые исполняли только приказы Верховного Командования Вермахта (ОКВ), а в областях гражданского управления работать при помощи органов Рейхс- и Генералкомиссаров, которые следовали указаниям только министерства Восточных Областей («Остминистериум»).

Если в этих условиях двойной связанности все же удалось выполнить на 100% техническую задачу снабжения областей материалом пропаганды, то это должно быть признано чудом. Это об'ясняется тем идеализмом, активностью и отсутствием бюрократизма у всех сотрудников этого дела, которые имеют незабываемые заслуги. В стране, в которую каждый гвоздь и каждое оконное стекло должны были быть ввезены из Рейха, где в большинстве случаев отсутствовали бумага, типографии и даже клей для расклейки плакатов, где существуют самые скверные пути сообщения, в такой стране пропагандный материал был доставлен повсюду, вплоть до самого отдаленного угла, при чем материал этот исходил полностью, без всякого исключения, от Министерства Пропаганды. Каждый германский солдат, который был в таких городах, как Смоленск или Харьковь, знает, что во время немецкой оккупации эти города были настолько облеплены все новыми плакатами, как это имело место у нас в период нашей борьбы на выборах, а может быть, еще и больше того. Но не только большие города, а и самые отдаленные мелкие пункты получали пропагандный материал. Разумеется, и здесь возможности распространения Министерства Пропаганды были в значительной степени ограничены тем,

что пропагандный материал до самых крупных пунктов включительно передавался всегда в распоряжение пропагандистов ОКВ и Остминистериума. Например, в 1942 году одному только военному отделу пропаганды «У» были доставлены 24 вагона пропагандного материала, переправленных через Днепр, для снабжения Кременчуга, Харькова и др. Что же касается радио, то не только делались непрерывные передачи на 18 языках, но нам еще удавалось добиться, чтобы каждый радио-прожектор, во всех пунктах оккупированных областей Востока, передавал на восточных языках только ту политическую информацию, которая была составлена восточным отделом Министерства Пропаганды и, таким образом, было создано единство в осведомлении. Равно также были исчерпаны для воздействия и все другие средства пропаганды.

Обслуживание прессы, политические фильмы, еженедельные обзоры событий на восточных языках, волшебные фонари, выставки картин и т. д. устраивались в Берлине восточным отделом и его вспомогательными органами, проводились через многочисленную цензуру и отправлялись в самые далекие места Востока. Таким образом, Министерство Пропаганды свою ограниченную техническую задачу выполнило беспримерно.

Только осенью 1943 года распоряжением Фюрера от 15 августа было установлено, что должны быть организованы при Рейхс- и Генералкомиссарах самостоятельные отделы пропаганды, дабы Министерство Пропаганды получило, наконец, свой собственный аппарат, которого ему до того так нехватало. Эти отделы были организованы только весною 1944 года. Пропагандные отделы действовали в Минске, Риге, Ревеле и Ковне и, по всем отзывам, с большим успехом.

4. В самом Рейхе проводилась пропаганда среди добровольцев («Фрейвиллиге») из среды восточных народов, среди «остарбейтеров», военно-пленных, эвакуированных и эмигрантов, что после потери восточных областей уже стало исключительно задачей Восточного отдела.

а) технически задача состояла в том, чтобы всю эту человеческую массу постоянно снабжать публицистическим материалом во всех видах нашей пропаганды: пресса, радио, фильмы, брошюры и т. д., а возможности все увеличивались.

б) С самого начала создания добровольческих организа-

ций из рядов восточных народов, таковые очень тщательно обслуживались Министерством Пропаганды. Они получали:

аа) всевозмоный пропагандный материал;

бб) группы артистов, составленные Финетой, давали представления, в рамках военных развлечений;

вв) обеспеченные при помощи фирмы «Ауфбау» товары маркитантов.

Б. В отношении же «остарбейтеров» Восточный отдел стремился, помимо само собой разумеющегося обслуживания пропагандным материалом, улучшить их судьбу и общее положение.

К сожалению, почти во всех слоях среди чиновников и прочего населения все еще господствовало представление, почерпнутое из брошюры «Унтерменш». Только против одной этой брошюры шла борьба в течение почти целого года, пока удалось добиться ее из'ятия. Другим примером этой борьбы может служить тот весьма полный указатель, как следует относиться к «остарбейтерам», который выпустил доктор Тауберт и который был восторженно встречен во всех учреждениях. Правда, гауляйтер Кох подал против него протест в партийные инстанции, но безуспешно.

Осенью доктору Тауберту удалось склонить обергруппенфюрера Бергера согласиться на новые неоскорбительные значки для «остов», и тот провел это, наконец, у Рейхсфюрера СС (Гимлера). Потребовался еще месяц борьбы, чтобы провести это, наконец, на практике.

5. В 1942 году была сделана в сотрудничестве с полковником Мартином*) попытка добиться полномочий для Власова. Сперва она не увенчалась успехом. Заслуга в проведении власовской политики принадлежит штандартенфюреру Гюнтеру д'Алькену, который предложил ее Рейхсфюреру (Гимлеру), через которого она потом была предложена Фюреру. С тех пор пропаганда Восточного отдела и Финеты, поскольку это касалось русского народа, проводилось под углом зрения политики Власова.

---

*) Полк. Мартин был офицером связи между Вермахтом и Министерством Пропаганды. Роль его в Вермахте свелась к шпионажу над офицерами, составляя списки «дефетистов» и передавая их Геббельсу и Гитлеру: см. «Дневник Геббельса» от 21 и 22 января 1942 года.

6. Особенная забота Восточного отдела со времени начала власовской политики состояла в том, чтобы помешать Власову полностью поглотить «украинство» («украинтум») и другие не русские национальности, ибо именно не-русские составляли самую большую часть в добровольческих об'единениях, а национально-настроенные украинцы ведут против Советов исключительно удачную партизанскую борьбу, которая напоминает народное восстание.

7. Особой заслугой доктора Тауберта является то, что со времени появления большевизма в Европе он настолько усилил качественно и количественно пропаганду ужасов («греуль-пропаганда») и убийств, производимых большевиками, что весь немецкий народ и большая часть мировой общественности считает теперь большевистский гнет страшной и невыносимой судьбой. Необходимо еще отметить, что в течение большей части этого времени и до последних недель, весь этот материал получался не автоматически при помощи обычных источников, но добывание его целиком зависело от инициативы д-ра Тауберта и его сотрудников. Немецкая пресса имела при этом только задачу распространения доставленного ей материала.

Работа эта имела громадное значение как для закалки воли к сопротивлению немецкого народа, так и для опорачивания большевизма в мировом масштабе, так, наконец, и для того, чтобы обострить англо-советские противоречия.

В. Перспектива.

Заканчивая свою работу, Доктор Тауберт должен, не входя в рассмотрение подробностей всех возможных видов дальнейшего развития, обратить внимание на отдельные опасности:

1) Власовское движение стремится полностью поглотить украинцев, кавказцев и других не-русских. Особенная опасность состоит в том, что украинские партизаны, которые в состоянии препятствовать доставке на фронт стратегического материала и военных транспортов, не расположены это делать, пока нет соглашения между Рейхом и (нелегальным) украинским правительством. По этому соглашению Рейх должен гарантировать независимость и целость Украины, а равно дать украинцам гарантию того, что они не будут проглочены национальным русским правительством Власова. Если мы пожер-

твуем Украиной для Власова, то мы не сможем задержать подвоза советских подкреплений. Если же мы найдем в себе мужество договориться с украинцами, то мы можем нанести подвозу Советами подкреплений едва ли выносимый для него удар.

2) Власовское движение не чувствует себя настолько связанным с Германией, чтобы итти с нею на «пан или пропал». Оно имеет сильные англо-фильские симпатии и играет идеей возможной перемены курса.

3) Власовское движение не национал-социалистично. В то время, как национал-социалистическая идеология действует взрывчато, как динамит в районах большевистского господства (что доказано опытом Каминского), власовское движение является жидкой настойкой из либеральной и большевистской идеологий.

Важно и то, что оно не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса. Власовское движение высмеивает национал-социалистическое мировоззрение. Оно не является русской формой большого народного возрождения, каковыми были фашизм в Италии, национал-социализм в Германии и потому оно может рухнуть.

Практически же из всего этого следует вывод, что за власовским движением необходимо внимательно следить и никакой власти распоряжаться «остарбейтерами» ему не следует предоставить.